

На правах рукописи

Чибиров Алексей Людвигович

**СКИФО-САРМАТО-АЛАНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИСТОРИОГРАФИИ
РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ XX –НАЧАЛА XXI В.**

**Специальность 5.6.5. – Историография, источниковедение,
методы исторического исследования**

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Москва – 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт востоковедения Российской академии наук»

Научный консультант:	Иванчик Аскольд Игоревич, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра античной и восточной археологии ИКВИА ФГН НИУ ВШЭ
Официальные оппоненты:	Ковалевская Вера Борисовна, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт археологии Российской академии наук», ведущий научный сотрудник.
	Гаджиев Муртазали Серажутдинович, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук», Институт истории, археологии и этнографии, профессор
	Яценко Сергей Александрович доктор исторических наук, профессор Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»
Ведущая организация:	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт всеобщей истории Российской академии наук»

Защита состоится «__»_____2026 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета 24.1.041.01 по историческим наукам на базе ФГБУН «Институт востоковедения РАН» по адресу: 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБУН «Институт востоковедения РАН» (г. Москва, ул. Рождественка, д. 12) и на сайте института: www.ivran.ru.

Автореферат разослан «__»_____2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

А.А. Петрова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В условиях глобализации и быстрого изменения социальных и культурных реалий, заметной унификации, роста миграций, подчас причудливых комбинаций в отношениях между государствами и растущего влияния разных форм интернет-общения, вопросы *исторической идентичности* становятся ключевыми для формирования национального самосознания. Изучение наследия народов, населявших юг России, в первую очередь – таких, которые оказали заметное влияние на ход истории Восточной Европы, позволяет не только осмыслить прошлое, но и выявить многообразие культурных влияний, которые продолжают жить в современном обществе. История юга России – региона, выступившего в древности и Средние века активной этнокультурной контактной зоной, полна фиксируемыми археологией и нарративными источниками фактами разностороннего взаимодействия между различными этническими массивами и группами, обусловившими процессы культурного синтеза, возникновения новых социокультурных образований, этнокультурного многообразия. Это разнообразие наблюдается в широкой палитре языков, традиций, в декоративно-прикладном искусстве, в повседневном быту. Понимание происходивших исторических процессов, анализ исторической мысли, освещающей историю народов, проживавших в древности и Средние века на юге России, помогает не только в сохранении культурного наследия, но и в построении и упрочении диалога между разными народами нашей страны, что приобретает сегодня особую актуальность.

Иранский компонент, как и славянская, тюркская, финно-угорская, нахская, адыго-абхазская и другие этноязыковые составляющие, является важной основой российской идентичности, и именно поэтому наследие скифов, сарматов и аланов привлекало и привлекает внимание многочисленных исследователей и широкой общественности. Такие знаменитые этносы, как скифы, сарматы и аланы, сыграли важную роль в знаковых событиях всемирной истории, а их история, культура и искусство сегодня привлекают внимание специалистов из многих стран. Несмотря на обострение во многих регионах мира проблем, связанных с крайними проявлениями национализма, научное сообщество сегодня, как правило, относится к проблеме этно- и культурогенеза древних иранцев безэмоционально, в первую очередь исходя из научной целесообразности. Этому способствует, прежде всего, подход, сопровождаемый выработанной за последние несколько десятилетий научными школами структурой и методикой работы с источниковой базой, в том числе и новое прочтение древних письменных памятников, а также с археологическими артефактами. Более того, появились различные новаторские методы (в частности, палеогенетические исследования, изучение археологических объектов посредством аэро- и космических снимков, уточняется радиоуглеродное датирование и т.д.), которые существенно обогатили исследовательские возможности.

Вопросы исторической, лингвистической и культурной преемственности этих этнических массивов как никогда актуализировались в последние десятилетия не только в научных трудах, но и в сфере интересов широкой аудитории. Наряду с этим, сегодня наблюдается и всплеск псевдонаучных работ, отличительной чертой которых является неприкрытая, порой агрессивная, политическая и идеологическая региональная / этническая ангажированность, что никак не отвечает требованиям науки и интересам устойчивого и безопасного развития общества. Диапазон подобных фальсификаций в зависимости от степени общественной востребованности может быть разным – от попыток национального самоутверждения регионального масштаба до необходимости использования исторической риторики как дополнительной аргументации в региональных и международных политических диспутах. Особенно ярко это проявилось в самом полиэтничном регионе России – на Северном Кавказе. Проблематика вопроса была представлена, в том числе и в актуальной и своевременной монографии «История в зеркале паранауки» (2006) М.С. Гаджиева, В.А. Кузнецова и И.М. Чеченова¹. Наглядной демонстрацией того, как историческая наука, вовлеченная в идеологические споры, может стать инструментом политики, служит история средневековой Алании – крупнейшего государства региона в X-XIII вв., которая в последние десятилетия стала объектом многочисленных и разнообразных форм «этнического присвоения» со стороны некоторой части региональных, этноцентристски ориентированных интеллектуалов, часто не обладающих при этом соответствующей компетенцией в исторических дисциплинах.

Искажение роли сарматов и аланов в исторических процессах в частности, в Западной Европе началось еще в раннем Средневековье, что отмечает и В.Б. Ковалевская. Согласно ей, игнорирование политической роли аланов в истории Западной Европы «связано с франкской исторической традицией, начиная с Фредегара (VII в.), который имя Алан заменил на Франка»²; речь идет о франкском хронисте середины VII в. Это было обусловлено, прежде всего, с идеологическим вектором раннесредневековой Европы, нацеленным на интересы элит тогдашних крупных государств и этносов. Новым европейским элитам во Франции, Англии, Арагоне, Португалии и государствах Северной Италии аланы были ни к чему. Однако сегодня в таких странах, как Испания, Португалия, Великобритания, Венгрия отмечается определенный интерес к сармато-аланской тематике как части их древней истории. Такие исследователи, как М.М. Казанский (Париж, Франция), А.М. Лубоцкий (Лейден, Нидерланды) и Б. Мысыккаты (Малага, Испания), активизируют интерес западноевропейской общественности к сармато-аланской проблематике. Их научные труды по тематике подробно рассматриваются в диссертационной работе.

¹ Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки. Критика современной этноцентристской историографии Северного Кавказа. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2006. 292 с.

² Ковалевская В.Б. Аланы в Западной Европе. Сопоставление данных истории, археологии, лингвистики и антропологии // Аланы: Западная Европа и Византия / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГСИ, 1992. С. 74.

В последние десятилетия среди некоторых представителей народов Северного Кавказа наблюдается повышенный интерес к истории номадов, в особенности аланов и гуннов, и если ранее этот интерес не выходил за рамки научного дискурса, то сегодня интеллектуальные элиты некоторых северокавказских народов в поисках своей идентичности обращают взоры в прошлое, при этом чрезмерно его идеализируя, с целью придать своему этносу бóльшую значимость в лице «престижных предков». К примеру, все чаще можно наблюдать стремление определенной части национальных элит соседних с Северной Осетией народов к политизации и, соответственно, к ревизии проблемы этногенеза осетин, что сопровождается произвольной интерпретацией и искажением исторических фактов³, когда игнорируются исторические источники, не отвечающие сиюминутным политическим и социокультурным ожиданиям отдельных групп. Борьба за аланское историко-культурное наследие на Северном Кавказе, за право называться «прямыми» и «единственными» наследниками и потомками аланов, вовлекла в это этнополитическое и социокультурное противостояние интеллектуалов нескольких соседних народов. Алания, объединившая в X в. почти все этнически пестрое население большей части северокавказского региона, становится сегодня объектом притязаний со стороны далеких потомков этих групп. С одной стороны, предпринимаются попытки доказать тюркоязычность североиранских народов, населявших некогда южнорусские степи и Северный Кавказ, а с другой – убедить в том, что аланы были исключительно нахоязычными. Немало пишется и о присутствии / отсутствии групп аланов к югу от Кавказского хребта. В подобном взгляде на прошлое превалирует национальная, идеологическая, пропагандистская, но никак не научная составляющая вопроса. В целом изучение темы актуально с точки зрения часто меняющейся общественно-политической ситуации на Северном Кавказе и в Закавказье. В силу определенной специфики региона особенно важен научный взгляд на вопросы, связанные с историческим прошлым народов, проживающих на Кавказе. Ненаучный подход может стать дополнительным катализатором дестабилизации общественно-политического процесса, как на Кавказе, так и в России в целом.

Вполне естественно, что сарматское, аланское, и отчасти скифское влияние на Северном Кавказе распространялось и на племена, с которыми они на протяжении многих веков соприкасались в его предгорьях и в походах через горные перевалы. Бесспорно также, что средневековые аланы прямо или косвенно являются частью истории, прошлого многих современных народов Кавказа. К примеру, миксация

³ См. Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986. 184 с.; Моллаев Т.А. Новый взгляд на историю осетинского народа. Нальчик: Ridero, 2010. 111 с.; Захаров В.А. История алан. Вчера и сегодня. М.: Вече, 2021. 320 с.; Джуртубаев М.Ч. Происхождение нартского эпоса. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2013. 802 с. Стоит отметить и осетинских авторов, которые слишком вольно обращаются с историческим материалом – см., в частности: Хамицаев В.Л. Балаев А.Ч. Давид Сослан, Фридрих Барбаросса. Алания от Палестины до Британии. Владикавказ: Изд-во журнала «Дарьял», 1992. 16 с.; Козаев П.К. Аланы-арии. Происхождение и древнейший период истории. Владикавказ: Проект-Пресс, 2000. 348 с.; Козаев П.К. Кавказ – древняя родина осетин. Владикавказ: Ир, 2012. 152 с.

определенной части кавказцев, аланов и половцев в единую общность в средневековые заложила этническую основу карачаевцев и балкарцев. Х.Х. Малкондуев подчеркивает, что «симбиоз аланских и ... тюркских племен еще в древности породил этническую основу карачаево-балкарской народности», и тут же добавляет: «Возможно, что в формировании карачаево-балкарского народа могли сыграть определенную роль и древние кавказские этносы, о которых мало что известно науке»⁴. Результатом этого смешения стал тот факт, что часть аланов, утерев исконные язык и культуру, растворилась в тюркоязычной среде. Однако следует отметить, что, судя по современным лингвистическим, историческим, фольклорным и иным данным, наиболее значительный вклад аланы внесли в формирование осетинского народа, и здесь основными маркерами являются язык⁵, ярко выраженные элементы культуры аланов, нашедшие свое отражение в религии и быте осетин, и осетинская Нартиада⁶. При этом автор придерживается академически обоснованной концепции о «двуприродности» этногенеза осетин как потомков древних кочевников и древнего северокавказского горского населения.

В октябре 1966 г. в г. Орджоникидзе (Владикавказ) состоялась специальная всесоюзная научная сессия по вопросу этногенеза осетинского народа, на которой было аргументировано положение о «двуприродности» происхождения осетин. В.И. Абаев озвучил эту концепцию следующим образом: в осетинском этногенезе участвовали, с одной стороны, кавказские элементы, которые выступили как субстрат, с другой – сармато-аланские, в качестве суперстрата определившие не только язык, но и многие черты материальной и духовной культуры: «Никакая этногенетическая теория об осетинах, которая не считается с фактом смешения скифо-сарматских племен со старым местным населением, не может считаться отвечающей современному уровню наших знаний»⁷. Долгое время вопросы субстрата оставались без соответствующего компетентного ответа; при этом часть

⁴ Малкондуев Х.Х. Карачаево-балкарский нартский эпос. Теория. Историзм. Самобытность. Нальчик: Принт Центр, 2017. 148 с. С.10-11.

⁵ См: Памятники аланского языка и письма / Сост. Ю.А. Дзицойты. М.: Наука, 2016. 192 с. Особого внимания заслуживает книга А.М. Лубоцкого: Lubotsky A. *Alanic Marginal Notes in a Greek Liturgical Manuscript* (Veröffentlichungen zur Iranistik, 76 / Grammatica Iranica 2.) Wien: Verl. Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2015. 82 S.

⁶ Общее количество сказаний осетинской Нартиады с вариациями насчитывает более чем восемьсот, что существенно больше всех остальных вариантов других кавказских сказаний о Нартах. К примеру, только сказание о Урузмаге и его безымянном сыне известно специалистам в двадцати трех вариантах. В то же время в фондах СОИГСИ ВНИИ РАН имеется большое количество сказаний, записанных специальными группами, так называемыми «бригадами» исследователей в горских обществах Осетии в первой половине XX в., которые до сегодняшнего дня не полностью введены в научный оборот. Проблема заключается в том, что тексты были записаны так называемым «химическим карандашом», их невозможно разобрать без соответствующей специальной обработки. Также отмечено, что чем дальше от Осетии, тем скуднее вариации эпоса. Например, образ трикстера Сырдона – одного из ключевых персонажей сказаний, наиболее полно раскрыт именно в осетинской Нартиаде, где ему посвящен отдельный цикл сказаний, в то время как в остальных национальных версиях (в основном у непосредственных соседей осетин – чеченцев, ингушей, кабардинцев и балкарцев) он упоминается вскользь, лишен функций самостоятельного героя или отсутствует вообще (абхазы, черкесы).

⁷ Абаев В.И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа / Под ред. Б.А. Калоева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 18.

общественности Северного Кавказа реагировала на подобные заключения немного болезненно. В последние десятилетия археология, прежде всего трудами М.П. Абрамовой⁸ и В.Ю. Малашева⁹, приоткрыла завесу, позволяющую внести некоторую ясность в этот вопрос, определив кавказский субстрат, на который «наложился» аланский (среднесарматский) суперстрат, как потомков носителей поздней кобанской культуры и населения северокавказских степей (комплекс археологических памятников III в. до н. э. – начала II в. н. э. типа Чегем-Манаскент). Памятники этого типа являются ярким примером симбиоза пришлой, кочевнической и местной культур.

Политическая и социальная история разных групп скифов, сарматов и аланов (включая средневековых) в предыдущее столетие была освещена относительно подробно в работах таких ученых, как Б.Н. Граков, М.И. Артамонов, А.М. Хазанов, А.Ю. Алексеев, Д.С. Раевский, В.И. Гуляев, В.С. Ольховский, К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова, А.С. Скрипкин, А.И. Иванчик, В.А. Кузнецов, М.П. Абрамова, С.Н. Савенко и др. (наиболее актуальные и новейшие разработки характеризованы ниже). И, все же, одним из заметных пробелов можно считать слабый охват зарубежной историографии, представленной рядом крупных исследователей, оказавшихся волею судеб в эмиграции двумя основными волнами – после Октябрьской революции и в 70-90-х гг. XX в. В советский период часть исследований зарубежных авторов становилась известной советским ученым практически сразу: на них ссылались, их критиковали, часто исходя из идеологических норм того периода, не забывая при этом обвинять коллег в «буржуазности»¹⁰. В любом случае, мнение западных коллег всегда представляло интерес для советских ученых. В идеологическом плане они были интересны в качестве объекта для критики, что никак не умаляло значения их работ для науки в целом.

В связи с вышеизложенным представляется полезным сопоставить проблемы этно- и культурогенеза североиранских народов, алано-осетинской преемственности с позиций советских / постсоветских исследователей, и зарубежных ученых-эмигрантов, чьи исследования развивались параллельно, однако в силу идеологических противоречий политических систем сами исследователи не всегда имели доступ к результатам научных изысканий коллег. Можно попытаться выяснить, как в зависимости от общественно-политической ситуации и других факторов трансформировались взгляды российских

⁸ Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М: ИА РАН, 1993. 242 с.

⁹ Малашев В.Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V вв. н. э. М: ИА РАН, 2016. 208 с.; Малашев В.Ю., Маслов В.Е. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н. э. – начала (первой половины) II в. н. э. (памятники типа Чегем-Манаскент) // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20. № 2. С. 81-132.

¹⁰ Официально они публиковались редко, иногда бытуя в виде «рабочих» переводов. В частности, книга Т. Сулимирского «Сарматы: древний народ юга России», вышедшая впервые в 1970 г. в Лондоне, до ее официального представления была известна как минимум в двух «рабочих» переводах, которые были доступны единичным специалистам.

зарубежных ученых на проблематику, и как связь с Родиной или отсутствие её качественно способствовали этим изменениям.

Степень изученности проблемы. Задавшись таким вопросом, можно заметить, что интерес к ученым российского происхождения, занимавшихся (и занимающихся) древними ираноязычными народами Юго-Восточной Европы, выстроивших при этом за рубежом немалую часть своей научной карьеры, пока фрагментарен и распределен очень неравномерно. Это лишний раз обуславливает необходимость разработки данной темы. В советский период особой критике подвергались работы эмигрантов «первой волны» (М.И. Ростовцев и Г.В. Вернадский) которые, помимо прочего, воспринимались как «предатели интересов пролетариата» и носители «буржуазных» научных идей. В критике научных подходов и заключений М.И. Ростовцева, исходя из марксистско-ленинской методологии, представлений и глубины познаний археологов о реалиях кочевых обществ, вполне искренне сходились ведущие скифологи и сарматологи СССР. Однако в середине – второй половине XX в., со времен М.И. Артамонова, затем Ю.М. Десятчикова, и особенно в перестроечный и постперестроечный периоды, в публикациях Э.Д. Фролова, В.Ю. Зуева, И.В. Тункиной и ряда других исследователей негативные и настороженные оценки сменились искренним интересом и даже вполне оправданной апологией. К примеру, наиболее полно в контексте «иранства» труды М.И. Ростовцева рассмотрены В.Ю. Зуевым¹¹, который, наряду с И.В. Тункиной приложил немало усилий для мемориализации памяти М.И. Ростовцева. Особой заслугой В.Ю. Зуева можно считать введение в научный оборот ранее неопубликованных глав из предполагаемого второго тома «Скифии и Боспора»¹². Стоит отметить, что скифская тематика в рамках исследуемого вопроса важна лишь в трудах акад. М.И. Ростовцева.

Куда более жестким и даже ироничным было отношение к зарубежному творчеству активного сторонника евразийства Г.В. Вернадского (С.П. Толстов, М.Н. Тихомиров и др.). В постсоветское время его исторические концепции (и отчасти – относительно роли иранских народов Степи) стали объектом серьезного внимания в монографиях Ч. Гальперина, А.Ю. Дворниченко, диссертациях А.Ю. Бондаря, Н.Е. Соничевой и др. Весь этот материал подробно рассматривается в соответствующих главах 3, 4 и 5 диссертационного труда. Вопрос систематизации и обобщения материала по истории аланов и Алании из основных работ Г.В. Вернадского, а также его взаимоотношения с Дз. Дзанти, который оказал влияние на его алано-осетинские исследования, ранее не рассматривался. Одна из первых подобных попыток была предпринята диссертантом в монографии 2018 г.¹³. Также стоит отметить, что до сих пор нет серьезных очерков о научной и

¹¹ Зуев В. Ю. Сарматская концепция М. И. Ростовцева и Прохоровские курганы // Парфянский выстрел / Отв. ред. Г.М. Бонград-Левин. М.: РОССПЭН, 2003. С. 580-604.

¹² Зуев В.Ю. О публикации новых глав труда акад. М.И. Ростовцева // ВДИ. 1989. № 1. С. 207.

¹³ Чибиров А.Л. Г.В. Вернадский: Славяно-Аланика (История одной истории). Владикавказ: Ир, 2018. 160 с.

общественной деятельности эмигрантов-осетин того периода – Дз. Дзанти и Дз. Зураева.

Отношение к эмигрантам из позднего СССР и сразу после его распада было куда более спокойным. Между тем, анализ их работ может существенно дополнить картину научного творчества наших соотечественников, оказавшихся за рубежом. Это ныне действующие ученые – М.М. Казанский, А.М. Лубоцкий и Б. Мысыккаты, которые поддерживают активные контакты с российскими коллегами. Возможно, именно поэтому комплексную характеристику их творчества по теме диссертационного труда никто пока не давал.

Для понимания актуальности трудов ученых-эмигрантов также важна оценка творчества ведущих *современных* российских специалистов по широкому спектру вопросов, связанных с историей и культурой древних иранцев Восточной Европы. Между тем, подробно она также до сих пор никем не давалась. Именно поэтому в главе 2 рассмотрены работы отечественных исследователей по сарматам и аланам.

Для изучения истории древних иранцев Восточной Европы, безусловно, огромное значение имеет ряд античных и средневековых письменных источников¹⁴, в которых приводятся различные факты их истории и культуры. Этой тематикой занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи¹⁵, однако сармато-аланская проблематика, ее связь с современными осетинами никогда прежде, как уже отмечалось, не рассматривалась в контексте российской зарубежной историографии. Приходится констатировать, что на сегодня четкой истории скифологии, к сожалению, нет. Есть ее очень краткие и уже заметно устаревшие очерки¹⁶, или же она подается своеобразно – как последовательность изучения единичных курганов аристократии и т.п.¹⁷. По истории сарматологии тоже имеются лишь весьма краткие очерки¹⁸. Именно этим и обусловлена характеристика работ основных современных ученых, охватывающих все аспекты проблематики – от сарматской и аланской истории и археологии до иранского языкознания и этнологии. Эти материалы представлены в главе 2. По истории алановедения в советский и постсоветский периоды также

¹⁴ См.: Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 1-2. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1900-1906.; Вестник древней истории. 1946-1947; Доватур А.И. Каллистов Д.П. Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 455 с.; Античные источники о Северном Кавказе / Сост. В.М. Аталиков. Нальчик: Эльбрус, 1990. 136 с.; Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб.: Алетей, 2000. 318 с.

¹⁵ Миллер В.Ф. Осетинские этюды (Репринтное издание). Ч. I-III. Владикавказ: СОИГИ, 1992. 707 с.; Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. СПб.: Огни, 1918. 190 с.; Скифия и Боспор. СПб. ИИМК РАН, 2013. 632 с.; Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь-Москва: ЛЕАН, 1996. 448 с.; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. 304 с.; Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 256 с.; Гутнов Ф.Х. Средневековая Осетия. Владикавказ: Ир, 1993. 229 с.; Ванеев З.Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Т. I. Цхинвали: Ирыстон, 1989. 418 с.; Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Дзауджикау: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1947. 199 с.

¹⁶ См.: Ильинская В.А. Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев.: Наукова думка, 1983. 380 с. С. 8.

¹⁷ Гуляев В.И. Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (старые проблемы – новые решения). 2-е изд. М.: ИА РАН. 2019. 656 с. С. 14-161.

¹⁸ См.: Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев. Великая Степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия. Учебное пособие. М.: РГГУ, 2002. 441 с. С. 141-147.

есть небольшие статьи А.Х. Хадиковой¹⁹ и С.А. Айларовой²⁰, но эти публикации требуют серьезных дополнений.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является обзор и разносторонний анализ научного творчества по истории, археологии, языкознанию и религиоведению *известных представителей российского зарубежного научного сообщества XX-XXI вв., связанных с ключевой проблематикой древних ираноязычных народов Юго-Восточной Европы* (этно- и культурогенез, история, общественный строй, основные культурные акценты, взаимоотношения с греко-римским миром, культурная преемственность и др.)²¹. Опорными для достижения данной цели являются труды М.И. Ростовцева, Г.В. Вернадского, М.М. Казанского, А.М. Лубоцкого, Б. Мысыккаты. Для понимания культурной среды, в которой развивалась зарубежная алано-осетинская проблематика показательны фигуры осетинских эмигрантов первой половины XX в. Дз. Дзанти и Дз. Зураева.

Для достижения цели диссертационного исследования выделен круг взаимосвязанных и взаимообусловленных задач:

- представить общий очерк достижений в скифологии, сарматологии, аланистики и осетиноведения в контексте темы диссертации;
- дать комплексный и сравнительный анализ трудов крупнейшего представителя российской зарубежной историографии по данной тематике – М.И. Ростовцева, как одного из первых крупных скифологов (на общественно-политическом фоне первой трети XX в.);
- представить комплексный анализ исследований М.И. Ростовцева, как основоположника сарматологии, по истории и культуре сарматов и, частично – ранних аланов;
- проанализировать совокупность идей Г.В. Вернадского о ранних кочевниках Восточной Европы, истории аланов, алано-осетинских параллелях, сармато-аланскому наследию и его роли в истории славян в контексте разделявшихся им идей евразийства и его связей с осетинскими эмигрантами;
- рассмотреть работы двух ведущих зарубежных исследователей российского происхождения второй волны эмиграции – М.М. Казанского и А.М. Лубоцкого, посвященных соответственно археологическим памятникам позднеантичных и раннесредневековых аланов и алано-осетинским лингвистическим параллелям;
- дать общий критический очерк трудов по скифо-алано-осетинской тематике ведущих представителей осетинской научной диаспоры обеих волн научной эмиграции (Дз. Дзанти, Дз. Зураева, Б. Мысыккаты).

¹⁹ Хадикова А.Х. Алано-осетины в советской историографии // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 33. С. 168-184.

²⁰ Айларова С.А. Отечественное алановедение в постсоветский период // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 22. С. 5-17.

²¹ Решению поставленных задач способствовали неоднократные консультации с М.М. Казанским, А.М. Лубоцким, Б. Мысыккаты, В.Ю. Малашевым, М.С. Гаджиевым, В.Б. Ковалевской, С.А. Яценко, И.О. Гавритухиным, Ю.А. Дзищойты.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XX в. (время появления первых трудов М.И. Ростовцева, посвященных североиранскимномадам) до современности, т.е. до начала XXI в. Фактически, мы рассматриваем деятельность ученых двух основных волн эмиграции – периода Гражданской войны (1918-1920 гг.) и 1970-1980-х гг., при этом эмиграция Б. Мысыккаты относится к 1990 гг. Тема раскрывается в целом в хронологической последовательности, хотя деятельность осетинских эмигрантов разных поколений из-за понятного сходства их научных предпочтений, рассматривается в комплексе в соответствующей главе.

Анализ в рамках двух разных поколений важен и потому, что он отражает разницу между исторической наукой более чем столетней давности, во многом с еще неустоявшейся методикой работы с рядом исторических источников, с археологическими артефактами и комплексами и с этнографическими параллелями и т.п. (М.И. Ростовцев, Г.В. Вернадский)²², и историей на нынешнем этапе как более разнообразно оснащенной наукой (М.М. Казанский, А.М. Лубоцкий, Б. Мысыккаты). В представляемой работе это было сделано на примере развития мысли российской зарубежной историографии в контексте сармато-аланской и отчасти скифской проблематики.

Территориальные рамки исследования включают в себя регионы исторического расселения ираноязычных народов Юго-Восточной Европы в периоды античности и средневековья; прежде всего – это Северное Причерноморье и Северный Кавказ.

Объект исследования – научные концепции и связанная с ними деятельность ученых, представителей российского зарубежья XX – начала XXI в., занимавшихся проблематикой скифов, сарматов и аланов в основных ее аспектах.

Предмет исследования – этапы становления, эволюции и взаимовлияния во взглядах ведущих представителей двух основных поколений российских эмигрантов-ученых на вопросы истории, этно- и культурогенеза и культурных контактов скифов, сарматов и аланов в контексте общественно-политической обстановки, преобладавших научных концепций и условий их научного творчества.

Методологической основой диссертационного исследования являются принцип историзма; системный подход; историко-генетический сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-биографический и ретроспективно-аналитический методы. Дифференциация особенностей поколений ученых и анализ круга их интересов рассматривались с помощью историко-типологического метода и системного подхода. Историко-генетический и сравнительно-исторический методы использовались для изучения сущности,

²² В случае с М.И. Ростовцевым это было явной модернизацией социального строя скифского общества, не подтвержденное современной археологией, связанной с его стремлением поиска предтечи Руси-России по аналогии с Римом, а с Г.В. Вернадским – вольная интерпретация некоторых исторических фактов с акцентом на концепцию «евразийства», и «любительские» лингвистические построения. При этом Г.В. Вернадский вслед за М.И. Ростовцевым подчеркивал роль историко-культурного наследия североиранских скифо-сармато-аланских племен в жизни ранних славян и русского народа.

оформления и видоизменения культурных особенностей и этногенеза скифов, сарматов и аланов, а также при выявлении их места в истории региона. Принцип историзма подразумевает исследование явлений в их развитии. Историко-биографический метод важен, т.к. значительную долю своих выводов мы получаем из анализа биографий конкретных ученых. Ретроспективно-аналитический метод дает возможность изучать предмет исследования в историческом контексте, что позволяет лучше понять взгляды отдельных ученых, их научных школ и групп.

Источниковая база исследования представлена широким спектром разнохарактерных источников, опубликованных в различных изданиях. Основой, первой группой их являются собственные труды значимых представителей зарубежной русской историографии по древним иранцам Восточной Европы, которые впервые подвергаются обстоятельному системному и критическому обзору. Диссертант концентрируется на наиболее значимых, знаковых и комплексных публикациях конкретных ученых. Наибольший объем информации для рассматриваемой темы дали труды М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского. Еще одной группой источников, связанной с изучаемыми исследователями, являются их личная переписка, дневники и т.п. Третья, не слишком многочисленная группа представленных источников – публикации с критическим анализом, «реабилитацией» или апологетикой авторов первой волны эмиграции.

Четвертая группа источников, напротив, обширна, и включает в себя исторические сочинения эпохи античности, Средневековья, а также ряда авторов XIX в. по скифо-сармато-аланской проблематике, которые изучены и введены в научный оборот исследователями разных поколений: Геродот, Арриан, Страбон, Иордан, Джуаншер Джуаншериани, Мухаммад ат-Табари, Гильом де Рубрук, Иосафат Барбаро, Констанций Лионский, Григорий Турский, Гальфрид Монмутский, Г.Ф. Миллер, Ю. Клапрот, Я. Потоцкий, А. Гакстгаузен, Л.В. де Сен-Мартен, В.Б. Пфаф, Ф. Нансен и др. Цитаты и ссылки на античные источники приведены по академическим изданиям, представленным в списке источников и литературы и даются в переводах их авторов и редакторов. Пятая группа связана с необходимостью привлечения данных по ведущим современным российским исследователям, их трудами и личными библиографическими справками, полученными диссертантом. Шестой комплекс источников, использованный при историко-сравнительном анализе результатов исследования по этногенезу осетинского народа в контексте устоявшейся теории о преемственности ираноязычных аланов и современных осетин, представлен трудами видных исследователей истории, археологии, языка и культуры аланов и сарматов, известных этнографов и фольклористов. Седьмую группу образуют различные источники справочного характера, эпизодически привлекаемые для заявленных целей.

Основные из названных групп источников освещены и охарактеризованы в отдельных главах диссертации, их разделах и подразделах в соответствии с хронологией и значимостью в освещении проблемы.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Впервые представлена обобщающая работа, комплексно рассматривающая научные взгляды и общественную деятельность наиболее известных представителей российского научного зарубежья в связи с проблемами этно- и культурогенеза, культурных контактов скифов, сарматов и аланов в контексте историографии и источниковедения.

2. Систематизирован круг соответствующих источников.

3. Уточнены связанные с раскрытием темы детали интересов, позиций и личных историй исследователей, принадлежащих к двум волнам научной эмиграции.

4. Выявлен и обобщен «иранский» компонент работ М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского в сопоставлении с достижениями современной науки, рассмотрен ряд их научных достижений и заблуждений в этой и смежных областях, в т.ч. связанных со славяноведением.

5. Рассмотрена деятельность ряда современных ученых по анализу и популяризации научного наследия М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского, как и их влияние на современные научные разработки и концепции.

6. Впервые системно проанализированы основные научные положения эмигрантов второй волны по затрагиваемым темам.

7. Разнопланово рассмотрены аланские и алано-осетинские темы в творчестве М.М. Казанского и А.М. Лубоцкого.

8. Впервые комплексно изучены творчество и общественная позиция трех основных осетинских авторов из обеих волн эмиграции – Дз. Дзанти, Дз. Зураева и Б. Мысыккаты, в т.ч. критически проанализирована идеализация аланского наследия в их публикациях.

9. Дается системная характеристика научного творчества ведущих современных авторитетных отечественных сарматологов и алановедов. Она является ощутимым вкладом в историографию этих дисциплин.

Положения, выносимые на защиту:

1. В разностороннем восприятии историко-культурного наследия ираноязычных народов юга Восточной Европы, как в российском, так и общемировом контексте достойное место принадлежит трудам зарубежных исследователей российского происхождения. Недостаточное знакомство с ними является существенным упущением отечественной науки и общественно-политической мысли.

2. На основе сравнительного анализа достижений отечественных специалистов (историков, археологов, лингвистов) и представителей гуманитарной науки российского зарубежья XX – начала XXI вв., а также особенностей развития отечественной и российской зарубежной иранистики предложена современная оценка совокупного вклада историков-эмигрантов в изучение скифо-сармато-аланской проблематики.

3. В диссертационном исследовании впервые с позиций принципов аналитической истории выделены два периода в изучении скифо-сармато-аланской проблематики представителями российского зарубежья. Первый период (первая половина XX в.) характеризуется общим несовершенством методики исследования археологических памятников кочевников, недостаточного понимания культуры и образа жизни кочевников, связанных с отрывом от изучаемого контекста, что приводило к искаженному восприятию их традиций или обстоятельств, а также использование современных для того времени представлений и понятий при интерпретации событий древности, способствующих неверному толкованию исторических фактов. Второй период (конец XX – начало XXI в.) в условиях изменившихся реалий (современный взгляд на этно- и политогенез кочевников, открытия в области археологии кочевников, новое прочтение источников и т.д.), отличается академичностью и фундаментальностью подходов к решению поставленных задач в рамках современной научной методологии.

4. В освещении скифо-сармато-аланской проблематики продуктивен комплексный подход, не ограниченный «цеховыми» рамками истории (по письменным источникам), археологии, языкознания, этнологии и т.д. При этом необходимо учесть источниковедческую и методическую специфику каждой из специальных дисциплин на уровне современных требований и разработок.

5. В контексте темы данного исследования иранистику следует рассматривать не только как научное направление, но, в том числе, и как пространство для пересечения трех разных наук – нарративные источники, археология, языкознание, которые очень часто сопровождаются расхождением во взглядах лингвистов, историков и археологов по ключевым позициям проблематики. Именно поэтому для всестороннего разбора и анализа заданной темы исследования в работе делается акцент на результатах научных исследований историков, археологов, лингвистов и этнологов, сведение их позиций в актуальных вопросах иранистики с целью представить решение вопроса во всех возможных ракурсах и «лицах», «связав» их, по сути, общей темой – всеми аспектами проблемы становления, этно- и культурогенеза иранских народов Восточной Европы, которая включает в себя вышеуказанные дисциплины. Научная деятельность М.И. Ростовцева, помимо прочего, служит иллюстрацией того, как в рамках одного исследования, в частности его труда «Скифия и Боспор», можно представить комплексную, многоаспектную картину формирования и развития кочевничества на примере Скифии.

6. Среди того, что сделано российскими учеными, которые в XX в. по разным причинам оказались за рубежом, для понимания скифо-сармато-аланского наследия особенно важны наработки М.И. Ростовцева, Г.В. Вернадского, М.М. Казанского, А.М. Лубоцкого и Б. Мысыккаты. Отдельного рассмотрения заслуживают осетинские эмигранты первой половины XX в. Дз. Дзанти и Дз. Зураев. Их труды и деятельность, а также заблуждения, связанные чрезмерной идеализацией истории кочевников, охарактеризованы в диссертации. Для полноты

картины целесообразно привлечь и публикации других исследователей с российскими корнями, в т.ч. М.Ю. Трейстера, А.О. Наглера, А.В. Исаенко, К. Цукермана.

7. М.И. Ростовцева как специалиста-антиковеда «иранство» интересовало во взаимосвязи с античностью, давая возможность соединить историю России с античной древностью, историческими Скифией и Сарматией. Талант и прозорливость М.И. Ростовцева способствовали формированию ряда основных принципов изучения кочевых народов древности, сарматологии и отчасти – скифологии. Широкий кругозор, критическое отношение к историческим источникам и личный опыт раскопок позволили М.И. Ростовцеву продуктивно для того уровня развития истории и археологии интерпретировать многие исторические процессы, нередко опережая при этом советских коллег. Однако отсутствие в начале XX в. разработанной методики исследования археологических памятников кочевых народов древности, ограниченная база данных источников, неоправданно высокое доверие научного сообщества того времени к авторитетным письменным источникам (Геродот и др.), недостаточное знакомство с этнографией номадов, широко распространенная модернизация реалий древности и др. повлекли за собой серию ошибочных выводов.

8. Работы Г.В. Вернадского по славистике и по иранским народам Степи считаются классикой американской историографии. Постепенно они занимают достойное место и в разработках отечественных историографов. Однако неоправданное преувеличение роли иранцев, особенно аланов, в истории России, во многом основанное на непрофессиональных лингвистических построениях, влияние осетинского эмигранта редактора изданий «Осетия» (1933) и “*Oss-Alanes*” (1953) Дз. Дзанти и другие факторы, способствовали искаженному восприятию Г.В. Вернадским ряда аспектов проблемы алано-осетинской преемственности, преувеличению сарматского и аланского влияния на раннюю историю славян и российского государства.

9. История и археология сарматов и аланов рассматривается археологом М.М. Казанским, прежде всего, в контексте эпохи Великого переселения народов – перекроивших карту Европы массовых миграций многих этнокультурных общностей, в т.ч. некоторых группировок аланов, инспирированных гуннским нашествием. Стремление найти баланс археологических, письменных и лингвистических источников для реконструкции этих событий и процессов, результативно. Важны и конкретные разработки по ряду категорий находок, в т.ч. соотносимых некоторыми исследователями с аланами. Характерный для М.М. Казанского взвешенный критицизм по отношению отождествлений подобного рода важен и методически.

10. Из работ А.М. Лубоцкого по алано-осетинской проблематике особое значение имеет его работа «Аланские маргиналии на полях ветхозаветного лекционария» (2016), в которой язык средневековых аланов определяется им как древнеосетинский. Этот вывод подтверждается Яским глоссарием (1422) и приложением к «Теогонии» Иоанна Цеца (XII в.). Несомненный интерес для

осетиноведения представляет его работа, посвященная Авестийской *хварене* или *фарну*, а также статья о параллелях между персидскими и осетинскими традиционными праздниками.

11. Представление о Родине как некоей «обетованной земле», куда более не суждено вернуться, сказалось на деятельности осетинских эмигрантов начала XX в. Дз. Дзанти и Дз. Зураева. К идеализированной форме подачи истории осетин и их предков стоит относиться с пониманием, с должной оценкой их вклада, принимая при этом во внимание условия, в которых они оказались после эмиграции. Иллюзорность восприятия истории аланов-осетин у Дз. Дзанти сменяется более взвешенным подходом Дз. Зураева. Последний, однако, не смог дистанцироваться от исторических и лингвистических построений Дз. Дзанти. Работы эмигранта конца XX в. Б. Мысыккаты можно считать образцом профессионального подхода к изучаемой теме, введения в научный оборот новых архивных источников. Пример трех осетинских исследователей-эмигрантов показывает трансформацию взглядов разных поколений ученых от мифологизации древней истории к ее разноплановому и фундированному научному осмыслению.

12. Болезненная эмиграция и адаптация в ней, надежда на скорое возвращение способствовали публикации М.И. Ростовцевым цикла политических и публицистических статей в эмигрантской прессе начала 1920-х гг., но и М.И. Ростовцев, и Г.В. Вернадский никогда не использовали свой авторитет и знания в идеологическом противостоянии между СССР и Западом, оставаясь в своих трудах на позициях научной объективности. Работы представителей современной зарубежной российской историографии лишены идеологического окраса и тесно связаны с собственно российской наукой, что позволяет им анализировать исторические процессы, явления и факты строго в рамках требований науки.

13. Несмотря на признание в западном научном сообществе (М.И. Ростовцев – «звезда на небосклоне классической древности», Г.В. Вернадский – основатель американской русистики) не приходится говорить о «феномене изучения скифо-сармато-аланской проблематики в русском зарубежье», так как ни один из исследуемых ученых первой волны эмиграции не является основателем собственного научного направления, научной школы. Это всегда – серия ярких одиночек, но само их существование в нескольких поколениях можно рассматривать как тенденцию. Продолжателями этой традиции являются уже наши современники – исследователи, которые глубоко и органично интегрированы в российское научное пространство. При этом в случае с А.М. Лубоцким можно говорить о научной школе, одним из видных представителей которой является известный иранист Джонни Чёнг (Johnny Cheung), автор таких фундаментальных работ, как «Очерки исторического развития осетинского вокализма» (*Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism*) (2002) и «Этимологический словарь иранского глагола» (*Etymological Dictionary of the Iranian Verb*) (2006), а также ряда значимых статей по иранистике.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования обусловлена рассмотрением в нем на материале работ конкретных исследователей-эмигрантов процессов эволюции и адаптации их творчества в изменившихся условиях, когда исследования по различным вопросам истории восточноевропейских иранцев стали важным связующим звеном с тематикой родной российской истории. Системный анализ идей ученых разных поколений эмиграции на материале трех древних родственных ираноязычных этнических массивов позволяет лучше и полнее представить вклад последних в различные исторические и культурные процессы в масштабах Восточной Европы, Юга России и Северного Кавказа, наметить новые темы для научных разработок и дискуссий.

Междисциплинарный анализ одной из значимых проблем исторической науки, связанной с этногенезом, ранней этнической историей и культурными связями последовательно сменявших друг друга скифов, сарматов и аланов, непосредственной связи аланов с осетинами, на основе комплексного рассмотрения результатов исследований зарубежной историографии, будет способствовать формированию новых подходов в истории России, иранистике и кавказоведению.

Особенности реконструкции истории, культуры и традиционного мировоззрения ираноязычных народов Юго-Восточной Европы по материалам корпуса источников подтверждают их этноспецифичность, культурную преемственность и немалое влияние, которое оказали древние иранцы на дальнейший ход мировой истории.

Материалы и результаты исследования могут быть использованы в трудах по истории России, Восточной Европы, иранского мира и кавказоведению, в подготовке учебных вузовских курсов по истории, археологии, этнографии, культурологии и другим гуманитарным дисциплинам, будут способствовать популяризации исторической науки в рамках различных проектов и общественных площадок.

Степень достоверности и апробация работы. Достоверность результатов данного диссертационного исследования обеспечивается использованием в нем представительной выборки значимых работ каждого из изучаемых ученых, разноплановых библиографических сведений и критическим анализом этих данных, широкого фона научной литературы и древних авторов, касающегося ряда смежных дисциплин, затрагиваемых этими авторами и диссертантом, теоретическим обоснованием выводов, полученных в ходе исследования, объективным подходом к анализу исторических фактов и явлений.

Различные аспекты и отдельные результаты диссертационной работы были представлены автором на 9 международных и региональных научных и научно-практических конференциях, конгрессах, семинарах и круглых столах:

1. IV Международная научно-практическая конференция «Образование и наука в современных условиях», Чебоксары, 24 июля 2015 г. Доклад: «Скифы и

нарты: К вопросу о пребывании скифов на Кавказе. Научные исследования: от теории к практике».

2. Международная научная конференция «Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации», 23-25 октября 2015. Доклад: «Аланы (ясы, асы) и Киевская Русь в трудах Г.В. Вернадского».

3. Всероссийские Миллеровские чтения, 20-22 октября 2016. Доклад: «Аланы-осетины. Возвращаясь к истории вопроса».

4. IV Международная научная конференция «Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации», 16-17 ноября 2017 г. Доклад: «К вопросу об осетино-балкаро-карачаевских нартовских параллелях».

5. Международная научная конференция V Абаевские чтения, посвященная 90-летию юбилею факультета осетинской филологии СОГУ, 11 мая 2018 г. Доклад: «Некоторые замечания по поводу монографии Т.А. Моллаева “Новый взгляд на историю осетинского народа”».

6. Всероссийские Миллеровские чтения, 15-17 ноября 2018 г. Доклад: «Некоторые подробности переписки Ж. Дюмезиля с В.И. Абаевым (К 120-летию со дня рождения Ж. Дюмезиля)».

7. Международная научная конференция «Пятые Пчелинские чтения: археология, этнография и языки Кавказа». 19 декабря 2023 г. Доклад: «Социокультурные маркеры аланских захоронений в Западной Европе по материалам статьи М.М. Казанского “Аланы на Западе в эпоху переселения народов: археологические данные”».

8. XXIV Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие», посвященная 150-летию со дня рождения Н.К. Рериха, 145-летию со дня рождения со дня рождения Е. И. Рерих, 120-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха, Году семьи 19-21 ноября 2024 г. Доклад: «Дзамболат Дзанти, Ю.Н. Рерих, Г.В. Вернадский: переплетение судеб».

9. Международная научная конференция «Кавказ и иранский мир». Институт Востоковедения, Российско-армянский (Славянский) университет, Ереван, 12-13 декабря 2024 г. Доклад: «Социокультурные маркеры алано-сарматских захоронений: знаки/тамги в контексте Великого переселения народов в Западной Европе».

Основные положения и выводы диссертационного исследования представлены в 5 монографиях, 3 главах коллективных монографий и в 43 научных статьях, 16 из которых опубликованы в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Общий объем публикаций составил более 122 п.л.

Структура диссертации определена основной целью, задачами и предметом исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, семи глав, заключения и снабжено библиографией и списком сокращений. Эта структура соответствует последовательно сформулированным задачам.

Соответствие паспорту научной специальности. Исследование соответствует паспорту специальности 5.6.5. – историография, источниковедение,

методы исторического исследования по направлению 4 – Использование достижений зарубежной науки в отечественной историографии; зарубежная отечественной истории.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность, научная новизна темы, определены объект, предмет исследования, цель и задачи, хронологические и территориальные рамки, показаны теоретическая и практическая значимость, обозначены теоретико-методологические основы диссертационной работы, представлена источниковедческая база, степень изученности проблемы и данные по апробации результатов исследования.

Первая глава – «Ираноязычные народы Юго-Восточной Европы. Историографические основы исследуемой темы» – состоит из трех параграфов²³ и содержит общую характеристику иранских народов степной зоны Юга России, обзор происходивших в их среде миграционных процессов, волны которого, как правило, двигались с востока на запад. В главе обсуждаются вопросы появления и становления иранских народов в южнорусских степях. Началом процесса индоевропеизации Юго-Восточной Европы ученые считают V тыс. до н. э. (И.М. Дьяконов, Е.Н. Черных). Он заметно усилился в IV-III тыс. до н. э., когда древние индоевропейцы начали расселяться на запад и юго-запад от каспийско-черноморских степей (Н.Я. Мерперт). М.И. Ростовцев отмечал, что Великая степь являлась «естественным продолжением могучего иранского культурного мира, определяющего собой культурную физиономию прикаспийской и приуральской Азии и тесно связанного с культурным миром Месопотамии»²⁴.

В советский период, благодаря исследованиям В.И. Абаева²⁵, Е.И. Крупнова²⁶ и др., присутствие иранского наследия на Северном Кавказе и юге России стало настолько очевидным, что в 1987 г. постоянный оргкомитет конференции по Древнему Востоку обратился к руководству СОАССР с просьбой о проведении в Северной Осетии конференции по теме «Кавказ и цивилизация Древнего Востока». Мотивировка выбора Осетии была обоснована тем, что «на территории республики много памятников ... аланской культуры, свидетельствующих о широком расселении племен древних иранцев на Центральном Кавказе на рубеже нашей эры и позже»²⁷.

В своем докладе на конференции И.М. Дьяконов отождествил индоевропейскую языковую группу с археологической культурой Восточной

²³ Ввиду ограниченности объема автореферата характеристика ряда параграфов диссертационной работы представлена в обобщенном виде.

²⁴ Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство... С. 2.

²⁵ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 608 с.

²⁶ Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа, М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 520 с.

²⁷ Дьяконов И.М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Материалы всесоюзной научной конференции, Орджоникидзе: «Ир». 1989. С. 3.

Европы, в частности со срубной культурой эпохи поздней бронзы степной и лесостепной зон Украины и России, а также с соседней андроновской культурно-исторической общностью, которая занимала территорию от Южной Сибири до границ Ирана и Афганистана²⁸. Он считал, что эти археологические культуры «могут с уверенностью рассматриваться как индоиранские или, скорее, северо-восточные иранские»²⁹. К этой территориальной локализации прародины северных иранцев принадлежат и современные осетины, язык которых И.М. Дьяконов называет «уникальным остатком языка древних иранцев – скифов, сарматов, алан»³⁰.

В главе также дается краткий обзор истории Скифии. Уже с III в. до н. э. начинается закат Скифии, и в истории юга Восточной Европы постепенно наступает новая, сарматская эпоха. До III в. до н.э. (до миграции в Среднюю Азию усуней, юэчжей, переселения саков на Юг) население степи имело культуры скифоидного облика, и, собственно сарматский мир, очевидно, следует начинать с этого рубежа. Сарматы – родственные скифам ираноязычные номады, жившие восточнее скифов в степях Поволжья и Южного Приуралья с конца IV в. до н. э. В III в. до н. э. по письменным источникам они фиксируются в Северном Причерноморье. Впервые этноним *алан* упомянут в трагедии Сенеки «Фиест». Из античных источников наиболее полные сведения о сарматских племенах (сираках, аорсах) содержатся в «Географии» Страбона³¹. Благодаря успехам отечественной археологии начала XX в. (В.А. Городцов³², Н.И. Веселовский³³, М.И. Ростовцев³⁴) сарматская проблема получила свое развитие. Значителен вклад в ее разработку П.Д. Рау³⁵, Б.Н. Гракова³⁶, К.Ф. Смирнова³⁷, М.П. Абрамовой³⁸,

²⁸ Там же. С. 11.

²⁹ Там же. С. 14.

³⁰ Там же. С. 8.

³¹ Античные источники о Северном Кавказе. Нальчик, 1990. С. 56-65.

³² Городцов В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в народном творчестве // Труды ГИМ. М.: 1926. Вып. 1.

³³ Веселовский Н.И. Курганы Кубанской области в период римского владычества // Труды XII археологического съезда. Т.1. М.: Тов-во типографии А.И. Мамонтова, 1905; О находках в кургане Солоха // ИАК. 1913. Вып. 52.

³⁴ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор.

³⁵ Отчет об археологических разведках по р. Торгун в 1924 г. // Труды Нижневолжского общества краеведения Саратов, 1926. Вып. 35. Ч. 1 (в соавторстве с Т. М. Минаевой); Курганы с кострищами и кострища в курганах Нижнего Поволжья // Труды РАНИОН. М.: 1928. Т. 4; Пастор для Шпацендорфа // Наследие и региональные исследования. Сообщения Энгельсского краеведческого музея 2005. Вып. 7; Altertümliche Funde im Seelmänner Bezirk // Beiträge zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebietes. Pokrowsk (Kosakenstadt), 1923; Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga // Mitteilungen des Zentralmuseums der ASSR der Wolgadeutschen. Pokrowsk, 1926. Jahrgang 1. Heft 1-2; Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebietes im Jahre 1926 // там же, 1927. Jahrgang 2. Heft 1; Hockergräber der Wolgasteppe // там же, 1928. Jahrgang 3. Heft 1; Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Gebiets, Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki, 1929. Т. 4; Die Gräber der Frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet // Mitteilungen des Zentralmuseums der ASSR der Wolgadeutschen. Pokrowsk, 1929. Jahrg. 4. Heft 1.

³⁶ Граков Б.Н. Термин Σκύθαι и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. Вып. XVI. 1947. С. 79-88; Граков Б.Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3. С. 100-121; Граков Б.Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во Московского университета, 1977. 234 с. и т.д.

³⁷ Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. 1950. Вып. 34; Его же. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.:1964. 381 с.; Его же. Сарматы на Илеке, М.: 1975. 176 с.; Его же.

В.Б. Виноградова³⁹, М.Г. Мошковой⁴⁰, М.Б. Щукина и др. Современное состояние проблематики определяют работы А.С. Скрипкина, В.Ю. Малашева, С.А. Яценко и др.

Согласно античной письменной традиции, греки использовали этноним *сарматы* как обобщенное наименование ряда крупных родственных племенных объединений: языгов, роксолан, сираков, аорсов, иногда подразумевая под этим термином и аланов. С выходом в I в. н. э. на авансцену истории аланов обозначилась тенденция к созданию военно-политического объединения сарматских племен юга России под их эгидой. Со второй половины I в. н. э. аланы начали осваивать территории центральных и восточных районов Северного Кавказа. В последней четверти IV в. происходит миграция гуннов в Юго-Восточную Европу, положившая начало эпохе Великого переселения народов. Часть аланов, очевидно, донских, присоединилась к гуннам и вторглась с ними в Западную Европу.

Раннеаланскому периоду посвящено немало как публикаций полевых археологических работ, так и отдельных монографических исследований (М.П. Абрамова⁴¹, В.Ю. Малашев⁴², Т.А. Габуев⁴³, Ф.Х. Гутнов⁴⁴ и др.). Важны выводы, к которым пришла М.П. Абрамова. В частности, ею показано, что население центральных районов Предкавказья в III в. до н. э. – IV в. н. э. по своей культуре заметно отличалось как от населения более восточных районов (Дагестан), так и от населения Северо-Западного Кавказа (меоты Прикубанья)⁴⁵.

Далее в главе раскрывается историография вопроса, проблематика воспроизводится сквозь призму взглядов и мнений, бытовавших среди ученых, начиная со второй пол. XVIII в. вплоть до конца XIX в., рассматриваются вопросы этногенетической связи аланов и осетин (Г.Ф. Миллер, Я. Потоцкий, Д. де Монпере, А. Гакстгаузен, В. Сен-Мартен, П. Шафарик). Во второй пол. XIX в. на Кавказе появляется ряд периодических изданий (ССКГ, ССК, СМОМПК и др.),

Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1986. 184 с.; Его же. Вооружение савроматов. (МИА. №101). М.: Изд-во АН СССР, 1961. 163 с., и др.

³⁸ Абрамова М.П. Сарматская культура II в. до н. э. – I в. н. э. // СА. 1959. №1; Её же. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М.:1993.

³⁹ Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. 221 с.; Его же. Центральный и Северо-Западный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. 389 с.

⁴⁰ Мошкова М.Г. Сарматские курганы в Оренбургской области // КСИА. 1963; Её же. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Памятники скифо-сарматской культуры. / МИА №115. М.: 1962. С. 206-241; Её же. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. 52 с.

⁴¹ Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III – V вв. М.:1997. 165 с.; Савенко С.Н. Роль М.П. Абрамовой в изучении проблем раннеаланской культуры Центрального Предкавказья // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М.: Таус, 2007. С. 512-527.

⁴² Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа // М.: Таус, 2009. 468 с.; Малашев В.Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V вв. н. э. // М.: ИА РАН, 2016. 208 с.

⁴³ Габуев Т.А. Ранняя история алан. По данным письменных источников. Владикавказ, 1999. 148 с.

⁴⁴ Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, Ир. 2001. 62 с.

⁴⁵ Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.) М.:1993. 240 с.

в которых публикуются труды В.Б. Пфафа⁴⁶, Д.Я. Лаврова⁴⁷ и др. Наиболее выдающиеся заслуги в изучении языка и истории осетин принадлежат В.Ф. Миллеру. Ему удалось научно обосновать алано-осетинскую преемственность, установить принадлежность языка осетин «к иранской группе индоевропейской семьи». Ученый не сомневался, что осетины «входили в состав тех иранских кочевых племен, которые были известны за многие столетия до Р. Хр. под именем сарматов и отчасти скифов»⁴⁸. В своем труде «Аланы по сведениям классических и византийских авторов» Ю.А. Кулаковский проследил политическую историю аланов от времени их появления на европейской арене до монголо-татарских войн, считал осетин «потомками и остатками древних алан»⁴⁹. В другой работе по аланам Кулаковский исследует историю принятия ими христианства. Он же перевел на русский язык знаменитое «Аланское послание» епископа Федора.

Октябрьская революция 1917 г. в России внесла свои коррективы в дальнейший ход мировой истории, и научная жизнь на долгие годы оказалась разделенной по разные стороны политических баррикад. Между тем интерес к исследованию истории сарматов и аланов в Европе не угас. Актуальность приобрели работы Я. Шарпентье⁵⁰, Р. Блайхштайнера, Ф. Нансена. Более предметные изыскания зарубежных ученых по исследуемой теме появились, начиная со второй половины XX в.⁵¹.

Во второй главе «Сармато-аланская проблематика: современное состояние вопроса (археология, языкознание, этнология)», изложен современный взгляд на проблематику, представленный работами ведущих отечественных специалистов, таких, как А.С. Скрипкин, В.Ю. Малашев, Д.С. Коробов, С.А. Яценко, С.В. Куланда, В.А. Шнирельман. Глава состоит из шести параграфов, в которых рассматриваются все аспекты, связанные с сармато-аланской проблематикой. Современная российская историография, посвященная широкому кругу вопросов истории, археологии и культуры сарматов и аланов, весьма информативна. По данному вопросу в последнее время появилось значительное количество знаковых трудов, как в исторической науке, так и

⁴⁶ Пфаф В.Б. Этнологические исследования об осетинах // ССК. Т. II. Тифлис, 1872.; Его же. Материалы по древней истории осетин // ССКГ. Вып. IV. Тифлис, 1870. С. 1-30; Тифлис, 1871. Вып. V. С. 1-100.

⁴⁷ Лавров Д.Я. Заметки об Осетии и осетинах // СМОМПК. Вып. III. Тифлис, 1883.

⁴⁸ Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. III, С. 101.

⁴⁹ Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов... С. 193-218.

⁵⁰ Charpentier J. Die ethnographische Stellung der Tocharer // ZDMG, 1917. 363 S.

⁵¹ Bernard Bachrach A History of the Alans in the West: From Their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity Through the Early Middle Ages, University of Minnesota Press, 1973. 161 p.; Бахрах Б. Аланы на Западе (От первого упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья. М.: «Ард», 1993. 191 с.; Sulimirski. T. The Sarmatians Ancient Peoples and Places series, vol. 73. New York and Washington: Praeger Publishers, 1970. 267 p.; Сулимирский Т. Сарматы. Древний народ юга России. Пер. с англ. Т.В. Китаиной. М.: Центрполиграф, 2010. 224 с.; Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер. 2003. 608 с.; Лебединский Я. Аланы в Галлии: ретроспективный обзор и выводы // Этногенез и этническая история осетин. Материалы международного конгресса. Владикавказ, 2013. С. 38-49.; Лебединский Я. Сарматы и аланы в Галлии IV-V вв. История и наследство //Алано-Кавказская библиотека. Владикавказ, 2016. 224 с.; Рид Г. Артур-король драконов. Варварские истоки величайшей легенды Британии. Владикавказ, «Алания». 2005. 360 с.; Литтлтон С., Малкор Л. От Скифии до Камелота. // Владикавказ, Проект-Пресс, 2007. 491 с. и др.

смежных с ней дисциплинах. Это, прежде всего археология и языкознание. Вопросы соотношения средневековых аланов и современных осетин основательно рассмотрены в специальной работе этнолога В.А. Шнирельмана. Стоит отметить, что прорывными в этом вопросе стали изыскания, прежде всего, в области археологии. В последнее время наиболее обобщающую работу по сарматам представил А.С. Скрипкин. Его монография «Сарматы» (2017) подводит итог многолетним исследованиям в области сарматской археологии, истории и культуры. Впервые грация периодов развития и становления сарматов, историческое и культурное обоснование этих периодов, представленное на основе богатого фактологического материала, как археологического, так и с привлечением смежных дисциплин, позволяет говорить о важном этапе в вопросе изучения сарматских народов.

Работы В.Ю. Малашева в области сарматской и аланской археологии отличаются крайней выверенностью и точностью выводов и формулировок, что подчеркивает непререкаемый авторитет ученого. Представленная выше статья относительно новаторской концепции о субстрате, как одном из компонентов, определивших этногенез осетин, является ярким тому свидетельством. В серии работ В.Ю. Малашева разработана новая структура древностей сарматского и раннеаланского времени для Центральных и Восточных районов Северного Кавказа, в частности, концепция формирования и развития аланской культуры на раннем ее этапе⁵².

Отличительной чертой работ Д.С. Коробова является способность автора при изложении материала избегать стандартных формулировок. Д.С. Коробов представляет описание археологических артефактов в контексте общеисторического анализа, что делает его работы доступными для широкого круга интересантов. Именно эта черта объединяет его книги с работами С.В. Кулланды, В.Ю. Малашева, С.А. Яценко и др. Каждая его новая работа – это новые идеи, выводы и наблюдения, основанные на новых материалах археологических раскопок. Причем идеи эти рассматриваются в свете самых разных направлений современной науки: истории, лингвистики, археологии, генетики и антропологии, ГИС-технологии.

Важными представляются работы С.А. Яценко, который, помимо археологии исследует разные малоизученные аспекты сарматских и аланских древностей с совершенно иных позиций (знаки-тамги, шаманизм, мифология, костюм, иконография и т.д.). В контексте развития темы, ее всестороннего обозрения после базовых работ А.С. Скрипкина, исследования С.А. Яценко

⁵² Остальные работы В.Ю. Малашева, такие, как: Малашев В.Ю. Гаджиев М.С. Илюков Л.С. Страна максутов в Западном Прикаспии: курганные могильники Прикаспийского Дагестана III - V вв. н. э. Махачкала, ИД. «Мавраевъ», 2015. 451 с.; Малашев В.Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V вв. н. э. М.: ИА РАН, 2016. 208 с.; Малашев В.Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках северо-восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н. э. М.: ИА РАН, 2016. 201 с. и др. рассмотрены в отдельном подпараграфе диссертационного труда.

интересны, прежде всего, тем, что позволяют «оживить» сарматов, разглядеть в сухой археологической фактуре элементы традиционной культуры, верований и общих представлении сарматов об окружающем их мире. Сочетание подходов археологии, этнологии, иконографии древнего искусства, религиоведения и кочевниковедения позволило С.А. Яценко взглянуть на народы древности в несколько ином ракурсе, который позволил высветить все изящество и разнообразие научных концепций ученого.

Во второй половине XX в. работы В.И. Абаева в области иранского языкознания оставались фундаментальными, не поддающимися пересмотру и критике. Однако даже в случае с В.И. Абаевым некоторые его позиции со временем подвергаются корректировке⁵³. В частности, С.В. Кулланда дифференцировал скифский и сармато-аланские языки. Результаты исследований ученого отражены в ряде статей по проблематике, а также в итоговой книге «Скифы: язык и этногенез»⁵⁴. Во многом новаторская позиция С.В. Кулланды подверглась критике со стороны ряда его коллег, прежде всего, А.И. Иванчика⁵⁵ и Ю.А. Дзицойты⁵⁶.

Значимым трудом, посвященным актуальным проблемам идентичности северокавказских народов стала книга В.А. Шнирельмана «Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке» (М.: Новое литературное обозрение, 2006). «Аланомания», охватившая кавказские народы в конце XX – нач. XXI в., стала некоей идеологической «панацеей» для осетин, балкарцев, карачаевцев, ингушей и чеченцев, которые в поисках своей самоидентификации стремились идеализировать «аланское» прошлое, приписывая его исключительно своему этносу, не всегда, при этом считаясь с выводами академической науки. В своей монографии В.А. Шнирельман детально проанализировал процессы, которые происходят сегодня в ряде северокавказских республик. Глубокий и всесторонний анализ ситуации позволил ему описать предысторию вопроса, а также осветить весь спектр проблем, которые может повлечь за собой слепое стремление «быть аланами». Реакция на представленную монографию, прежде всего, среди кавказских ученых была неоднозначной, что никак не сказывается на значимости труда В.А. Шнирельмана для специалистов, которые занимаются этнополитической историей Кавказа.

Исследователи, представленные выше, являются лишь частью большого сообщества ученых, в равной мере представляющих весь спектр исследований по алано-сарматской проблематике. Их работы позволяют определить общие концепции и векторы развития современного алановедения и сарматологии в целом, что является достаточным для прояснения общих тенденций современной российской науки в исследуемой области.

⁵³ К примеру, в 1979 г. В.И. Абаев опубликовал очерк «Скифо-сарматские наречия», центральное место в котором занимает «Словарь скифских слов». Словарь содержит более двухсот лексем, которые автор воссоздал на базе сохранившегося «скифо-сарматского» лексического материала.

⁵⁴ Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 215 с.

⁵⁵ Иванчик А.И. К вопросу о скифском языке // ВДИ. №2 (269), 2009. С. 62-88.

⁵⁶ Дзицойты Ю.А. Кавказская Скифия // Известия ЮОНИИ. Вып. XXXVIII. 2009. С. 190-228.

В третьей главе «Иранство как важная часть истории Восточной Европы. Вопросы скифологии в трудах М.И. Ростовцева», которая состоит из десяти параграфов, акцентируется внимание на личности М.И. Ростовцева, на его научном наследии, ввиду исключительной значимости его образа для русской и зарубежной исторической мысли.

Начало XX в. сопровождалось усилением глобализационных процессов, ставших возможным благодаря научной революции конца XIX – начала XX в. Достижения в точных науках, сокращение с помощью развития логистики расстояния между странами и континентами, позволили сократить расстояние и между различными концепциями. Идеи, зарождавшиеся в одном уголке Европы, очень скоро становились популярными во всем мире. Помимо прочего глобализация всегда способствовала конкуренции идеологий. Именно поэтому восприятие мира М.И. Ростовцевым следует воспринимать сквозь призму идей, основанных на различных «противопоставлениях» (Степь и Цивилизация, западники и славянофилы и т.д.), которыми было пропитано общество того времени.

В конце XIX в. скифология и сарматоведение только формировались как научные направления. Основным источником информации для ученых помимо артефактов из курганов были и исторические хроники. Немаловажным является и тот факт, что в подавляющем своем большинстве, ученые того времени имели классическое образование и соответствующие культурные стандарты. Их, к примеру, очень привлекал и интриговал своеобразный синтез греческой и скифской культур в Причерноморье (как позже – римской и сарматских). В то же время они (в частности В.О. Ключевский, С.М. Соловьев и др.) не допускали и мысли, что информация, представленная в летописях, может быть неверной. Одним из первых, кто подверг критическому осмыслению тексты древнерусских летописей, в частности, «Повести временных лет» и «Новгородской первой летописи», был А.А. Шахматов. Ранее критическое отношение к летописям отмечалось у А.Л. Шлёцера (1735-1809), выдвинувшим гипотезу об искажении переписчиками летописных текстов и т.д. Интуиция и талант исследователя, выраженные в критическом отношении к первоисточникам наряду с бесценным опытом в реализации археологических проектов, способность сопоставления информации, изложенной в нарративных источниках с результатами археологических раскопок, выгодно отличали М.И. Ростовцева от его коллег.

Не представляется возможным, касаясь фигуры М.И. Ростовцева, обойти вниманием скифов, его концепцию культурного взаимодействия народов Северного Причерноморья – греков, скифов и сарматов в античную эпоху. Античник и убежденный монархист М.И. Ростовцев хотел видеть в описываемой им Скифии предтечу российской государственности, основа которой была

заложена в глубокой древности⁵⁷. Подобный взгляд объясняет его стремление к неоправданному усложнению общественного строя скифского общества.

Тома, которые впоследствии были посвящены скифам, перевешивают стремление М.И. Ростовцева рассказать свою историю Скифии. «Скифский логос» М.И. Ростовцева строился на критическом отношении к информации Геродота и других античных авторов, и на попытке собственного анализа и систематизации археологических артефактов XIX в. Однако, в силу объективных причин, материал был лишен фактологической базы современной археологии, «разбитой» на множество узких специализаций, в которых имеет значение все, вплоть до «десятилетия». Усложнение присутствует и в терминах, которые использует М.И. Ростовцев: «государственность», «помещики», «дружинники», в поиске локализации легендарных амазонок. Всего этого, конечно же, в Скифии не было. В то же время М.И. Ростовцев понимал важность работы с первоисточниками: «выделить подлинное от дериватов, определить первоисточники – задача в высокой степени трудная и сложная»⁵⁸.

И все же М.И. Ростовцев был первым, кто попытался обобщить и систематизировать весь материал, который стал известен ученым на рубеже XX столетия, так как акцент до него ставился археологами исключительно на «скифском золоте», при полном игнорировании предметов быта и производства. Именно этим и важна его небольшая книга «Эллинство и Иранство на юге России». В главе, посвященной М.И. Ростовцеву нет необходимости пересказывать весь объем материала по Скифии. Задача заключается в том, чтобы показать, в чем он ошибался в своих выводах, а в чем был прав, насколько предчувствие в нем «иранства» как предтечи российской государственности было верным, даже несмотря на некоторые, не совсем верные теоретические выводы. Глава строится на контраргументах, которые изложены, прежде всего, с позиции современной исторической науки о скифах и сарматах, так как с начала XX в. познания науки в этой сфере претерпели несколько волн разных научных концепций, которые менялись в зависимости от новых методов и подходов к самому принципу изучения вопроса и базировались на результатах новых археологических открытий.

Биография М.И. Ростовцева изучена подробно, что избавляет от необходимости ее изложения. Достаточно будет отметить фундаментальный том «Скифский роман» (1997), изданный коллективом авторов под общей редакцией акад. Г.М. Бонгард-Левина, знакомство с которым раскрывает многие аспекты биографии ученого, в том числе его богатое эпистолярное наследие. Научные изыскания М.И. Ростовцева за рубежом были представлены широко. Именно в США он стал тем самым Ростовцевым, которого знал весь мир. В то же время абсолютно несостоятелен тезис, согласно которому М.И. Ростовцев как ученый

⁵⁷ Впоследствии концепцию М.И. Ростовцева поддержал Д.А. Мачинский [Мачинский Д.А. Скифия - Россия. Узловые события и сквозные проблемы. / В 2-х томах. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. 616 с. (Том I) + 496 с. (Том II)].

⁵⁸ Ростовцев М.И. Глава V. Государство, религия и культура скифов и сарматов // ВДИ. 1989. №1. С. 195.

состоялся в США. В Советской России (особенно в 1930-1940-е гг.) отношение к его трудам было критическое, но, несмотря на это, один из важнейших трудов его жизни «Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических» был издан в Ленинграде в 1925 г., то есть уже после его отъезда на Запад. Действительное признание наследие М.И. Ростовцева получило лишь в перестроечное время, когда сформировался объективный взгляд, как на саму фигуру ученого, так и на значимость его трудов для отечественной исторической науки.

Научная деятельность М.И. Ростовцева условно делится на российский период и период эмиграции. В России его в основном занимали вопросы, связанные с античной культурой, римской историей, археологией, позже с эллинизмом и иранством на юге России. Отчасти этому способствовала и его магистерская стажировка в Рим, дружба с Н.П. Кондаковым, который привил ему любовь к истории искусства и археологии, участие в раскопках Помпей и увлечение помпейской декоративной живописью. Тогда же он сформулировал для себя новую тему исследований: история античной декоративной живописи эллинистического и римского времени⁵⁹. Созданная им концепция развития античных традиций в Северном Причерноморье остается незыблемой по настоящее время. Античных писателей интересовало о скифах все: быт, религия, культура, государственный строй. По мнению М.И. Ростовцева, интерес их к Северному Причерноморью то повышался, то понижался в зависимости от роли, которую играли скифы в исторических судьбах античного мира. Согласно ему, наибольший интерес к истории скифов возник в XIX в. в связи с обнаружением богатых захоронений в скифских курганах южнорусских степей. Именно тогда заниматься номадами стало престижно и значимо. Появилась плеяда ученых, чьи изыскания в области скифологии, сарматологии и алановедения стали основой, предопределившей развитие этих наук на долгие годы вперед. В общей сложности ученый посвятил древней истории юга России более 100 научных трудов. Исключительную научную значимость имеет упомянутая выше книга «Эллинизм и иранство на юге России» (1918), основная ценность которой состоит в том, что ни до нее, ни после, разработке тематики взаимодействия иранского и античного компонентов в южнорусских степях и Северном Причерноморье не был посвящен ни один фундаментальный научный труд⁶⁰. Ученым в этой книге ставится вопрос о значимости иранских народов для истории юга России в период с VII в. до н.э., то есть со времени появления здесь иранских и греческих элементов и до III в. н.э., завершившийся вместе с вторжением в регион германских и др. племен. Большую ценность для науки представляет еще один труд М.И. Ростовцева – «Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических», опубликованный в советской России в 1925 г. спустя семь лет после его эмиграции и ознаменовавший завершение «русского» периода его

⁵⁹ Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. 624 с. С. 53, 62.

⁶⁰ Исключение составляет диссертация Ю.М. Десятчикова «Процесс сарматизации Боспора» 1974 г.

деятельности: завершив работу над книгой в 1918 г., М.И. Ростовцев навсегда покинул Россию.

Сложно однозначно оценить, как именно сказалась эмиграция на М.И. Ростовцеве. Оторванный от Родины, он понял, что не может и не имеет права более заниматься номадами, так как, эмигрировав, М.И. Ростовцев оказался оторванным и от той научной базы, которая позволяла ему в полной мере исследовать скифов и сарматов. Величие и мужество М.И. Ростовцева как ученого заключалось, в том числе и в том, что, не имея достаточного материала для исследования, он не стал более разрабатывать эту тему. Но стоит ли считать М.И. Ростовцева представителем зарубежной русской историографии, исследующей вопросы древнего иранства на Юге России, если основные его работы, посвященные проблематике, были написаны в бытность его нахождения в России? Конечно да, потому что, мигрировав из России, М.И. Ростовцев увез с собой и многолетний опыт, накопленные знания, которые впоследствии помогли становлению его последователей. М.И. Ростовцев был масштабной фигурой, которая связывала ту дореволюционную историографию, с новой, русской зарубежной историографией⁶¹. Иранство, как предчувствие и частичная (наряду с хазарами, викингами и т.д.) предтеча славянства, осталось в нем до самого конца его жизни. Свое отношение к роли языка в этногенетической раскладке иранских народов М.И. Ростовцев выразил в словах: «Новейшие лингвистические исследования в области изучения осетинского языка (осетины – отдаленные потомки алан, конечно очень смешанные), подтвердили это сближение, выяснив с несомненностью, что сарматы были иранцы»⁶².

Четвертая глава «Происхождение сарматских культур, Сарматия, сарматы и Боспор в трудах М.И. Ростовцева» представлена семью параграфами, в которых раскрывается видение ученого по вопросам становления сарматских культур, «перехода» от Скифии к Сарматии, взаимоотношениям «иранцев» с Боспорским царством. Вопросы государственного устройства скифов и сарматов в понимании М.И. Ростовцева подробно представлены в обозначенных выше трудах «Эллиństwo и иранство...» и «Скифия и Боспор». В них ученый дал свое видение государственности Скифии в период ее наивысшего развития (VI-IV вв. до н. э.), а затем и Крымской Скифии. Сравнительный анализ и сопоставление

⁶¹ Впоследствии была переведена на английский язык его книга «Эллиństwo...» “Iranians and Greeks in South Russia”, изданная в Оксфорде в 1922 г. В сборник, посвященный памяти Н.П. Кондакова, изданный в Праге в 1926 г., ученый написал небольшую статью «Сарматские и индо-скифские древности». Затем была небольшая книга «Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль», изданная Семинарием имени Н.П. Кондакова. В начале 1930-х гг. М.И. Ростовцев принял участие в работе большого коллектива ученых, которые создали капитальный труд под названием «Кембриджская история древнего мира» (сокр. – САН), ставший самым крупным англоязычным справочным изданием по древней истории. Он написал для этого издания три очерка: «Боспорское царство», «Завоевание побережья Черного моря» и «Сарматы». Косвенным свидетельством этому является так и неоконченная вторая часть «Скифии...», главы из которой были напечатаны в журнале «Вестник древней истории» в 1989 г., а также рукопись его неизданной статьи «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря», написанной, вероятно, в начале 1918 г. Одна из последних работ М.И. Ростовцева под названием «Парфянский выстрел», была опубликована в 1943 г. в журнале “American Journal of Archaeology”.

⁶² Ростовцев М.И. Эллиństwo и иранство... С. 129.

двух скифских протогосударств позволили М.И. Ростовцеву утверждать, что Тавроскифия разительно отличалась от Скифии Геродотовой. Социальное устройство Тавроскифии М.И. Ростовцев представлял как состоящее из военно-служилой знати, рабов и крепостных, сравнивал его с Золотой Ордой и квалифицировал государство как рабовладельческое. Это мнение Ростовцева имело как сторонников (А.П. Смирнов, М.И. Равдоникас, С.А. Семенов-Зуев), так и противников, считавших государственный строй скифов патриархально-родовым. Однако, уже во второй половине XX в. появилось понятие «кочевая империя», которое полностью объясняло социально-политическое устройство подобных образований⁶³. М.И. Ростовцев по праву считается основателем сарматологии как научного направления. Наряду с Б.В. Фармаковским, он был одним из первых ученых, которые исследовали появление греческих колоний на Черноморском побережье в VII в. до н. э., отмечая при этом тесную взаимосвязь иранства с греческим миром, в особенности с Боспорским царством. Он же был первым, исследовавшим историю Скифии времен царя Атея и обосновавшим, почему период IV в. до н. э. – начала III в. до н. э. считается временем ее наивысшего расцвета. Ученый зарекомендовал себя прекрасным специалистом и по изобразительному искусству Причерноморья, подробно описав скифское искусство, впервые ввел в научный оборот термин «звериный стиль».

Анализ научного наследия российского периода жизни ученого дает возможность для следующего заключения: во всех трудах М.И. Ростовцева неизменно подчеркивалась значимость скифов и сарматов в исторических процессах, происходивших в Северном Причерноморье с I тыс. до н. э. по III в. н. э. Стоит отметить, что до сих пор нет монографий (есть отдельные статьи, в частности, В.Ю. Зуева), которые бы ставили своей задачей определение, изучение и анализ роли и значимости иранского элемента в трудах М.И. Ростовцева. Ему посчастливилось заложить основы сарматологии и грамотно сформулировать многие важные проблемы исторической науки того времени. Но большинство современных археологов, изучающих Боспор и Ольвию, на деле весьма скептически относятся к идеям М.И. Ростовцева о важной роли греко-варварского синтеза, считая Боспор, прежде всего, периферийным обществом эллинистического типа, а варваров – поселенцами, приглашенными местными эллинскими властями.

Пятая глава «Г.В. Вернадский: история иранских народов древности сквозь призму идеологии евразийства» состоит из семи параграфов. В ней рассматривается научное наследие ученого. Г.В. Вернадский относится к числу ученых, изучавших проблематику иранских народов в контексте других исследовательских проектов. После революции 1917 г., он, покинув Россию, по приглашению М.И. Ростовцева обосновался в США, где стал основателем

⁶³ Наиболее полно вопросы становления кочевых империй представлены в работах Н.Н. Крадина: Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.; Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.; Крадин Н. Н. Кочевники и всемирная история. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2020. 416 с. и др.

кафедры русистики Йельского университета. К концу 1950-х гг. он был признан коллегами выдающимся ученым, столпом новейшей историографии США⁶⁴. Венцом научной деятельности Г.В. Вернадского считается «История России» в 5-томах, издание которой стало квинтэссенцией его исторической концепции, а именно – идеи взаимодействия природы и общества как главного содержания всемирно-исторического процесса. В рамках рассматриваемой в диссертации темы особый интерес представляют первые три тома издания: «Древняя Русь» (1943), «Киевская Русь» (1948), «Монголы и Русь» (1953). Немаловажную роль в судьбе Г.В. Вернадского сыграла его приверженность идеям евразийства, которое наложило существенный отпечаток на всю его научную деятельность. Идеологическое «противостояние» первой половины XX в., о котором говорилось выше, нашло отражение в его работах. К примеру, его труд «Начертание русской истории» (1927) стал настольной книгой, некоей теоретической базой, для всех последующих приверженцев евразийства. Книга посвящена истории русского народа, которая, согласно Г.В. Вернадскому, «есть постепенное освоение русским народом своего места развития – Евразии».

Г.В. Вернадский, как ученик и друг М.И. Ростовцева, поддерживающий его концепцию этнокультурного синтеза на Юге России в скифо-сарматскую эпоху, также уделял в своих работах большое внимание Скифии и скифам⁶⁵, однако, в рамках исследования представляет интерес та часть его работ, которая непосредственно касается сарматов, и, прежде всего, аланов.

В трудах Г.В. Вернадского подробно представлены сарматы и аланы, предлагается их сопоставление со славянским миром. С сарматским вторжением на юг современной России Г.В. Вернадский увязывает и начало истории славянских племен⁶⁶. Ученый уверен, что на юге России в этот исторический период, но не позже I тыс. до н. э., сформировалось жизненное пространство русских людей, что «группа прародителей славянских племен осела в этом районе, и произошло это в среде господствующих иранских кочевых племен, сначала скифов, а затем сарматов»⁶⁷. В своих работах, особенно в первом томе «Истории России», Г.В. Вернадский подробно представил наиболее известные сарматские племена языгов, роксоланов, аорсов и сираков.

В 1944 г. он опубликовал статью “*Sur l’Origine des Alains*”, в которой изложил свое видение этногенеза аланов и родственных им кочевников⁶⁸. Изучение всего спектра доступных источников, посвященных аланам, позволило ему стать одним из первых исследователей, сумевших распознать в процессах

⁶⁴ Наиболее полно критическая биография Г.В. Вернадского была изложена в книге американского ученого Ч. Гальперина (см.: Гальперин Ч. Русь и Степь. Георгий Вернадский и евразийство // Воронеж: «Научная книга», 2018. 373 с.), и монографии А.Ю. Дворниченко (см.: Дворниченко А.Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб.: Евразия, 2017. 724 с.).

⁶⁵ В частности, объясняя свой интерес к скифам, Вернадский подчеркивал, что «именно на скифах увязывается первоначальная история славян. Именно скифам удалось объединить под свою власть не только степь, но и часть лесной зоны» [Вернадский, 2012: 45].

⁶⁶ Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь: Леан; М.: Аграф, 2000. С. 148.

⁶⁷ Вернадский Г.В. указ. соч. с. 25-27.

⁶⁸ Vernadsky G. *Sur l’Origine des Alains* // Byzantion. T. XVI. I. Boston, 1944.

формирования аланов ранние и поздние этапы. Г.В. Вернадский не сомневался в этногенетической связи скифов, сарматов и аланов, считал последних непосредственными предками осетинского народа⁶⁹. Аланы по нему были самостоятельным сарматским племенем, которое позже всех появилось в южнорусских степях, но при этом оказало наиболее важное влияние на формирование восточных славян. Они контролировали значительные территории, включающие степи у Азовского моря от Дона и Северского Донца до Нижней Волги и предгорий Северного Кавказа. Согласно ему, к концу I в. н. э. аорсы и сираки признали над собой главенство аланов. Такая трактовка начальной истории аланов позже была поддержана и В.А. Кузнецовым, который также полагал, что боспоро-римская война 49 г. объединила аланов, аорсов и сираков в одну этническую группу⁷⁰. Однако идея Г.В. Вернадского о генетическом единстве всех групп скифов, сарматов и аланов не выдержала испытания временем. Сегодня это ясно даже в отношении ранних аланов. К примеру, согласно С.А. Яценко, донские аланы I в. н. э. пришли в низовья Дона из Средней Азии⁷¹. Много внимания в трудах Г.В. Вернадского уделено этногенезу и истории антов, он считал их аланским племенем, с которым в наибольшей степени увязывается непосредственная судьба славян⁷². Археология последних десятилетий (О.М. Приходнюк, А.М. Обломский, И.О. Гавритухин и др.) показала, что анты соответствуют пеньковской культуре V–VII вв. или ее части, которая к аланам не имеет никакого отношения. Гибель этой культуры около третьей четверти VII в. связана с военным разгромом, в дальнейшем ее традиции в славянской материальной культуре прослеживаются слабо, а в военно-политической сфере прерываются.

Из множества народов, проживающих на Северном Кавказе, Г.В. Вернадский выделил два, которые, согласно ему, наиболее важны для тех, кто изучает русскую историю. Это аланы (он именует их осетинами) и *касоги* (адыги) – из-за ранних и близких отношений с Русью. Ученый выделил аланов и потому, что «из всех народов, которые вторгались в Южную Русь в сармато-готский и гуннский периоды, аланы пустили наиболее глубокие корни на Руси и вошли в наиболее тесную связь с местным населением – в особенности со славянами, нежели какое-либо иное ... племя»⁷³.

Политическая история аланов в первые четыре столетия н. э. нашла отражение в первом томе «Истории России» Г.В. Вернадского. Он вновь

⁶⁹ Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь: Леан; М.: Аграф, 1996. С. 45.

⁷⁰ Кузнецов В.А. Кто мы? Осетины - аланы Кавказа. Владикавказ: Ир, 2020. С. 18.

⁷¹ Полемика между С.А. Яценко и Б.А. Раевым относительно самого термина «Донская Алания» представляется весьма познавательной. См.: Раев Б.А. Алания как кочевая империя. Китеж-град донской археологии. Рец. на статью: Яценко С.А. 2008. Донская Алания как кочевая империя. В кн.: Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН: С. 281-310 // Наука юга России (Вестник Южного Научного Центра). Т.12. № 3. 2016, С.122-126; Яценко С.А. Двадцать лет спустя. Об общественном строе и политической активности нижнедонских аланов середины I – середины II в. н.э. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 14. Ставрополь, 2021. С. 215-230.

⁷² Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь: Леан; М.: Аграф, 2000. С. 174.

⁷³ Вернадский Г.В. Там же. С. 152.

акцентирует внимание на аланах-танаитах, которые первыми приняли на себя удар гуннов, исследует их культурно-исторические взаимоотношения с ушедшими на Запад гуннскими и германскими племенами, политические ориентации разных группировок аланов, их наследие в истории Западной Европы. В VI в. Алания при царе Саросие⁷⁴ пользовалась авторитетом на международной арене⁷⁵. Г.В. Вернадским подчеркиваются установившиеся в тот период дружественные отношения Алании с Византией и другими соседними странами. С VII в. с возвышением Хазарии северокавказские аланы признали господство хазар, но сохранили свою автономию. После крушения Хазарии (963 г.) у западных аланов появилась возможность создания собственного государства, они принимают христианство. Ученый раскрывает причины, по которым, согласно ему, Западная Алания по своему социально-экономическому и культурному развитию намного опережала Восточную. Вероятно, Западная Алания, вследствие большей урбанизации и более широкого распространения христианства, несколько опережала Восточную Аланию. Однако, это может быть отчасти связано большей с степенью исследованности западных районов северокавказского региона.

«Искусство древних славян пропитано иранскими мотивами» – этот тезис раскрывается в параграфе диссертационной работы «Г.В. Вернадский об иранском культурном наследии». Здесь же объясняются причины того, почему Г.В. Вернадский в своих трудах неоднократно возвращался к культурному наследию народов, обитавших в южнорусских степях. Согласно ему, славяно-иранские культурные параллели достигли наивысшего расцвета в алано-славянскую эпоху⁷⁶. Вызывает интерес статья Г.В. Вернадского «Относительно эпической поэзии аланов»⁷⁷ с широким спектром анализа картины их миропонимания. В работе ученым высказывается мысль о том, что «аланский эпос оказал воздействие на поэтический фольклор некоторых своих соседей»⁷⁸. Существенные следы, наблюдаемые в топонимике и гидронимике Юго-Восточной Европы, свидетельствуют о тесном соседстве и связях сармато-алан со славянским миром⁷⁹. Вернадский считал свидетельствами древних ирано-славянских отношений слова «ас», «анты»; заимствованное русскими в качестве наименования самостоятельного божества *Хорс* из осетинского языка слова *хорз* в значении *хороший, добрый* и др. Из антропонимов наибольший интерес представляют имена известных аланских деятелей Гоар, Эохар, Сангибан,

⁷⁴ От Sar+Os, т.е. «глава осов» [см.: Гутнов, 2014: 242].

⁷⁵ См. Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Фефан Византиец, переведенные с греческого Спиридоном Дестунисом. М.: Директ-Медиа, 2008. 694 с.

⁷⁶ Чибиров А.Л. Г.В. Вернадский: Славяно-Аланика. Владикавказ, Ир, 2018. С. 104-116.

⁷⁷ Vernadsky G. Anent, the Epic Poetry of the Alans // Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves. XII. Bruxelles, 1952.

⁷⁸ Чибиров А.Л. Указ. соч. С. 104-116.

⁷⁹ В качестве доказательства пребывания иранцев на юге России Г.В. Вернадский приводит названия почти всех рек юга России (Дон, Днепр, Днестр, Дунай, Донец).

Сафрак⁸⁰. Критики ученого не восприняли его убежденность в том, что «иранский период обладал фундаментальной значимостью для последующего развития русской цивилизации, что именно иранцы заложили основы политической организации восточных славян, что искусство древней Руси было также пропитано иранскими мотивами»⁸¹.

Несмотря на вынужденную эмиграцию, Г.В. Вернадский оставался патриотом России, доказав это своими фундаментальными исследованиями. В одиночку, в чужой культуре ему удалось сформулировать и отстоять свою концепцию, высветить весь ход развития русской истории, показав при этом, насколько тесно переплетались древняя история славян с иранским миром.

В шестой главе «Алано-осетинская проблематика в современной российской зарубежной историографии (конец XX – начало XXI в.)» рассматриваются темы и проблемы, поднятые представителями современной российской зарубежной историографии. Глава состоит из двух параграфов, и девяти подпараграфов. Специфика темы диссертационного труда определяет основные научные направления, которые сводятся к археологии, языкознанию и мифологии – тем самым «трем китам», на которых строится современное понимание архетипа народов древнего мира. М.И. Ростовцев и Г.В. Вернадский в рамках своих исследований опирались именно на эти базовые направления. К примеру, археология стала основной базой для исследований М.И. Ростовцева, а мифология и лингвистика в работах историка Г.В. Вернадского, касающихся алано-осетинской культурной преемственности, отчасти была сформирована под влиянием осетинского поэта-эмигранта Дз. Дзанти. И, конечно же, без фундаментальных знаний, опирающихся на безупречное владение всем спектром исторических источников, невозможно достичь научных результатов в отдельно взятой области, как языкознания, так и исторической науки.

Современный взгляд на алано-сарматскую проблематику четко персонифицировал все направления. Так, сегодня зарубежную русскоязычную археологию представляют М.М. Казанский (Франция), языкознание – А.М. Лубоцкий (Нидерланды), а историю и мифологию – Б. Мысыккаты (Испания)⁸². Глубина исследований ученых отражена в их многочисленных публикациях, и,

⁸⁰ Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь: Леан; М.: Аграф, 1996. С. 115-119.

⁸¹ Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь: Леан; М.: Аграф, 2000. С. 115-120.

⁸² Следует упомянуть также профессора истории Аппалачского университета (США), заслуженного преподавателя университетов Северной Каролины (США), доктора исторических наук, а ранее профессора Северо-Осетинского государственного университета (1976-1994) А.В. Исаенко. Ряд его работ, таких, как «Миграция североиранцев в Румынию, на Средний Дунай и в Венгрию» (1993), «Ancient Metallurgy In The Caucasus As Reflected In Ossetian Epic Poetry» (1999), «Аланская экспедиция в Византию. 1301-1306 гг.» (2010), «To the Problem of Ethnogenesis of Ossetians» (2013), «Georgian-Alanian (Ossetian) Ties in the Medieval Period» (2015), «Несущие свет в страны ночи: миграция сармато-аланских предков осетин на британские острова» (2016), «Battle Horses and Dogs of Sarmato-Alans» (2016) и др. подробно освещают некоторые ранее нераскрытые аспекты истории аланов и Осетии. При этом русскоязычные статьи были написаны автором специально для русскоязычной аудитории, в частности, для литературно-художественного журнала «Дарьял» (Северная Осетия). Другой исследователь-эмигрант, специалист пономадам, автор фундаментального труда «Кочевники и внешний мир», выдержавшего несколько изданий (2002, 2008) А.М. Хазанов в 1985 г. сегодня является эмерит-профессором Висконсинского университета в Мэдисоне (США). В настоящее время кочевниками более не занимается.

конечно же, труды их не ограничиваются только лишь аланами и сарматами. Они многовекторны, так как современная наука требует гибкости во взглядах, причем М.М. Казанский, А.М. Лубоцкий представляют научные школы, сложившиеся в СССР. Еще одна особенность, которой отличаются работы коллег, заключается в том, что самые красивые научные идеи рождаются на стыке научных традиций и культур. Российская историческая школа в сочетании с многообразием мировой науки и культуры и способностью к глубокому критическому анализу выгодно отличает труды деятелей российской зарубежной научной мысли, которые базируются на комплексном понимании вопроса исследований, связанных непосредственно с российской научной традицией. При этом основная специализация М.М. Казанского и А.М. Лубоцкого требовала изучения алано-сарматского наследия не отдельно, а в контексте общей научной проблемы, которой занимаются ученые. В случае с М.М. Казанским – это археология периода Великого переселения народов, а с А.М. Лубоцким – индоевропейское языкознание.

Для более полного охвата «аланской» темы в контексте «варварской археологии» в работах М.М. Казанского, был определен круг его статей, опубликованных в разное время, которые охватывают проблему в комплексе и представляют ее в разрезе, начиная с некоторых неизвестных фактов из истории и археологии аланов и заканчивая аланским костюмом. Это статьи «Аланы на Западе в эпоху переселения народов: археологические данные»⁸³; «Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: Свидетельство Маркиана и археологические данные»⁸⁴; «Могины алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях»⁸⁵; «Центры власти и торговые пути в Западной Алании в I-V вв.»⁸⁶; «*A propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes Migrations: le costume à appliques en or*» («Об аланах на Западе в эпоху Великого переселения народов: костюм с золотыми бляшками»)⁸⁷. Соавтором М.М. Казанского в части его статей выступает А.В. Мастыкова.

Каждая из представленных статей М.М. Казанского имеет свою особенность, которая выражается в методике, практикуемой автором. В основе своей структура работ М.М. Казанского выстроена следующим образом: события, изложенные в нарративных источниках, подтверждаются с помощью результатов археологических изысканий автора. В контексте темы диссертационного труда интересен общий обзор алано-сарматских «штудий» М.М. Казанского,

⁸³ Материалы Международного научного конгресса «Этногенез и этническая история осетин» (Владикавказ, 21-22 мая 2013 г.). Владикавказ, 2013 – 344 с. С. 147-165.

⁸⁴ Российская Археология, № 4, 1999 – 256 с. С. 119-130.

⁸⁵ Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Выпуск IV. Симферополь, «Таврия», 1994 – 590 с. С. 238-256.

⁸⁶ Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Сборник статей – М.: 2000 – 211 с. С. 138-161.

⁸⁷ M. Kazanski, A. Mastykova. *A propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes Migrations: le costume à appliques en or*. In : *Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica' (ss.V–VII). Balance y Perspectivas*. Oxford, 2006, p. 291-305.

рассмотренных сквозь призму всей варварской археологии эпохи Великого переселения народов.

М.М. Казанский формулирует проблему выявления археологических следов номадов в эпоху Великих миграций, которые касаются всех варварских народов, когда-либо поселившихся в Галлии. Это проблема количественного состава сарматов и аланов, которые, как и другие варварские народы были малочисленны по сравнению с местным галльским населением, насчитывающем более миллиона человек. Варварские народы были рассеяны по всей территории Галлии и не всегда образовывали компактные населенные анклавы, «...поэтому так или иначе связанные с ними археологические находки буквально тонут в массе галло-римских древностей»⁸⁸. Основными маркерами собственно аланских захоронений в Европе, по мнению ряда исследователей, являются искусственно деформированные черепа, парадное оружие, зеркала-подвески и серия тамг. М.М. Казанский отмечает то, что таковые можно найти и в явно неаланском контексте, однако в некоторых случаях их наличие вполне может выступать аргументом в пользу аланской атрибуции комплекса. Значимым социокультурным маркером, представленных в иллюстрациях, приведенных в статье М.М. Казанского, могут быть знаки-тамги, изображенные на зеркалах-подвесках из раскопок некрополей Сакка-ди-Гойто (Северная Италия) и Реймса (Франция). Отдельная статья, посвященная знакам-тамгам, описанным в работах М.М. Казанского, была опубликована автором диссертации под названием «Знаки-тамги как один из вероятных социокультурных маркеров алано-сарматских захоронений в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов»⁸⁹.

О высоком статусе А. М. Лубоцкого в науке говорит тот факт, что в современной индоевропеистике существует такое понятие, как «закон Лубоцкого»⁹⁰. Сложно в кратком сообщении охватить весь спектр работ и интересов А. М. Лубоцкого, масштаб и глубина исследований которых позволяет считать его одним из выдающихся лингвистов современности. В диссертационной работе рассмотрены те работы, которые касаются непосредственно его осетинских исследований, и которые достаточны для того, чтобы иметь представление о его значительном вкладе в современное осетиноведение. Это четыре его работы: “Avestan *xvarənah*:- the etymology and concept” («Авестийская *xvarənah* – этимология и концепт»)⁹¹, “The Old Persian month name *vīyax(a)na*-,

⁸⁸ Казанский М.М. Аланы на западе в эпоху переселения народов: археологические данные // Материалы Международного научного конгресса «Этногенез и этническая история осетин» (Владикавказ, 21-22 мая 2013 г.). Владикавказ, 2013. 344 с. С. 148.

⁸⁹ Чибиров А.Л. Знаки-тамги как один из вероятных социокультурных маркеров алано-сарматских захоронений в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов // Научная мысль Кавказа. №4 (116). 2023. С. 78-84.

⁹⁰ Еще одним показателем признания заслуг ученого является тот факт, что в 2003 г. он становится членом Королевской академии искусств и наук Нидерландов (Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen), членство в которой предполагает пожизненное участие в деятельности академии, а с 2013 – член Европейской академии (Academia Europaea). В частном письме А.М. Лубоцкий дал мне соответствующие разъяснения по поводу «закона Лубоцкого», которые изложены в основном тексте диссертационного труда.

⁹¹ Lubotsky A. Avestan *xvarənah*:- the etymology and concept // Sprache und Kultur. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft Innsbruck, 22.-28. September 1996, ed. W. Meid, Innsbruck, (IBS) 1998, P. 479-

Avestan *viiāx(a)na-* ‘eloquent, bragging’ and Ossetic festivals” («Древнеперсидское название месяца *viyax(a)na-*, авестийское *viiāx(a)na-* ‘красноречивый, хвастливый’ и осетинские праздники»), и особенно монография «Аланские маргинальные заметки в греческом литургическом манускрипте»⁹². В 2003 г. в журнале “Nartamongæ” была опубликована статья «Аланские заметки на полях византийского манускрипта: предварительный отчет», посвященная обнаружению и предварительному исследованию греческого манускрипта Q12, датированного 1275 г. Документ привлек внимание проф. С. Энгберг (Sysse Engberg), которая в 1992 г. работала в Библиотеке АН РФ над греческими литургическими текстами. При работе над манускриптом Q12 она обратила внимание на ряд малопонятных глосс на полях лекционария, которые были сделаны буквами греческого алфавита, при том, что язык, на котором они были написаны, был не греческим. С. Энгберг предварительно идентифицировала его как раннюю стадию осетинского или близкого ему языка. А.М. Лубоцкий подтвердил гипотезу об иранском, или, если быть точнее, осетинском характере языка глосс. Наиболее полно глоссы, их анализ были представлены в вышеупомянутой книге.

Отдельного внимания заслуживает приложение к книге А.М. Лубоцкого, в котором он предлагает некоторые пояснения к аланским фразам, описанным в эпилоге к «Теогонии» Иоанна Цеца (XII в.). Известно, что первые варианты перевода аланских фраз в «Теогониях» предполагали вульгаризмы, в то время как новое прочтение текста А.М. Лубоцким продемонстрировало совершенно иной смысл написанного.

Аланской проблематике посвящена и отдельная статья французского историка российского происхождения, специалиста по истории Византии и средневековой Восточной Европе, заместителя директора Центра истории и цивилизации Византии, Коллеж де Франс, К. Цукермана «Аланы и асы в раннем средневековье»⁹³. Детальный анализ трех манускриптов – «Книги церемоний византийского двора» (946), «Кембриджский документ» (949-950) и «Армянская география» (VII в.) – позволили автору провести четкую грань между средневековыми аланами и асами, подчеркнув при этом их географическое и племенное различие: «В новом свете предстают также и корни современных потомков асов – осетин»⁹⁴.

Глава седьмая «Скифо-сармато-аланская проблематика в зарубежной русской – осетинской историографии» является иллюстрацией того, как представители одного из народов, населяющих Россию, в частности осетин, в силу разных причин оказавшиеся за пределами Родины, воспринимают ее прошлое сквозь призму обстоятельств, в которых они оказались. Эмигранты первой волны Дз. Дзанти и Дз. Зураев, как М.И. Ростовцев и Г.В. Вернадский,

488. В ней А.М. Лубоцкий раскрывает концепцию и этимологию авестийского понятия *xʷarənah-* (*хварна*), отражением которого впоследствии в осетинском языке стало понятие *farn*.

⁹² *Alanic marginal notes in a Greek liturgical manuscript*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften (Sitzungsberichte der phil.-hist. Klasse, no. 859), 2015 [69 pp. + 30 plates].

⁹³ Цуккерман К. Аланы и асы в раннем средневековье // КСИА. Вып. 218. 2005. С. 65-84.

⁹⁴ Там же. С. 65.

уезжали из России навсегда, сохранив в памяти ту Осетию, которую они знали – идеализированную, немного наивную. В отличие от них Б. Мысыккаты, относящийся к кругу эмиграции конца XX в., является представителем нового поколения ученых, которого прошлое Осетии интересует исключительно с научной точки зрения.

Работы представителей русского – осетинского зарубежья первой половины XX в., эмигрантов Дзегка Зураева и Дзамбулата Дзанти, представляют интересный взгляд на вопросы истории древних иранцев. Дз. Дзанти, главный редактор журналов «Осетия» (1933) и “*Oss-Alanes*” (1953), который издавался в Париже, и Дз. Зураев, который, разбирая европейские архивы, не обладая при этом необходимым базовым образованием, посвятил всю свою жизнь изучению истории древних иранских номадов.

Сложно с позиций современной науки назвать Дз. Дзанти серьезным исследователем. При этом, обладая незаурядной харизмой, он выступил организатором, который сумел привлечь к осетинскому материалу целый ряд известных ученых, в том числе, таких как Н.К. Рерих, Ю.Н. Рерих и Г.В. Вернадский. Так, в 1933 г. Комитетом осетиноведения при Европейском центре Музея академика Н.К. Рериха в Париже начал издаваться журнал «Осетия», главным редактором которого выступил Дз. Дзанти. Всего было издано семь номеров журнала, украшением которых стала статья Ю.Н. Рериха «Аланские дружины в Монгольскую эпоху» опубликованная в 1933 г. В 1953 г. Дзанти начал издавать уже другой журнал – “*Oss-Alanes*”, в одном из номеров которого была опубликована статья Г.В. Вернадского «Очерки эпической истории алан». Статьи самого Дзанти не представляют какой-либо научной ценности и могут служить примером «идеализированной» Осетии.

Историк-самоучка Дз. А. Зураев, эмигрировавший из России в Германию в 1907 г., позже получил в Англии образование инженера и проработал по профессии практически до конца своей жизни в США. Хорошее знание языков дало ему возможность работы в различных архивах Европы и США, результатом чего стал объемный труд под названием «Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа» (1966). Несмотря на большой корпус проработанных автором первоисточников, работа была лишена системности и академичности в выводах. Дз. Зураев не был профессиональным историком, и отсутствие специального исторического образования сказалось на его книге. Прежде всего, это отразилось на не совсем верных лингвистических построениях, которые повторяли ошибки Г.В. Вернадского и Дз. Дзанти. Первый том книги Дз. Зураева «Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа» впервые был опубликован на английском языке в США в 1966 г. Уже в последнее время книга была переведена на русский язык.

Исследователь Б. Мысыккаты начал публиковать основные свои работы⁹⁵ в журнале “*Nartamongæ*” последние шесть лет. Интерес вызывает серия его статей,

⁹⁵ «В поисках кузнеца-волка», «*Wæjyg*», «Индоевропейская поэтическая формула «Немеркнущая слава» в осетинской Нартиаде», «Аркан в этнокультурной традиции алан-осетин» и «Нартиада и скифский звериный

посвященных «хатиагскому языку» – тайному языку, упоминаемому в осетинской Нартиаде. Б. Мысыккаты интересуется не только происхождение Нартиады как таковой, но и информация, скрытая в этих реликтах арготического языка нартов, формулы, иносказания, фразеологизмы и отдельные сопоставления. В 2018 г. журнал “*Nartamongæ*” опубликовал статью Б. Мысыккаты «В поисках кузнеца-волка», которая стала его вкладом в развитие трудов В.И. Абаева, посвященных изучению образа бога-кузнеца осетинских нартовских сказаний, в контексте скифо-европейских изоглосс. Она стала примером того, как можно красиво развить тему, которую можно было считать исчерпанной. Б. Мысыккаты берет за основу теорию В.И. Абаева, смысл которой сводится к связи двух наименований бога-кузнеца: осетинского *Wærgon* и латинского *Volcān*. С помощью этимологического анализа В.И. Абаев вскрыл глубинный смысл этих теонимов, изначальным значением которых выступает архаичная лексема, обозначающая волка. Б. Мысыккаты рассматривает отголоски культа кузнеца-волка в различных источниках, как то: греческих, латинских, кельтских, германо-скандинавских, адыгских, осетинских, ингушских, славянских и др. Практически любая работа Б. Мысыккаты положительно оценивается коллегами.

В «**Заключении**» диссертационного исследования подведены итоги проделанной работы, сделан ряд обобщений и выводов.

Конец XIX – начало XX вв. характерны повышенным интересом общественности к скифским, а затем – сармато-аланским древностям, которые помимо прочего были связаны с престижной в образованном обществе того времени греко-римской античностью, и в том числе – с греческими центрами Северного Причерноморья. Скифы, сарматы и аланы были первыми народами на территории России, подробно описанными древними авторами, а их история оказалась тесно связана на ряде этапов со славянским, германским и финно-угорским культурными мирами. Эта тематика привлекала интересантов также благодаря активной вовлеченности иранцев Восточной Европы в важные европейские политические события. Кроме того, именно со скифо-сакских древностей начиналась российская археология на материалах Европейской России и Сибири. Интерес к истории древних иранцев усиливался новыми поисками историко-культурной идентичности в рамках славянофильства, имперской роли на Востоке и контактов с ним, осознанием евразийских связей восточных славян, различными мессианскими трактовками роли России, а также вниманием к древнему германскому присутствию в Восточной Европе и отчасти – к византийско-аланским связям в плане распространения христианства на Кавказе. Возникал также соблазн начинать культурную и социальную историю восточных славян непосредственно с «благородной античности» и с самых знаменитых народов Восточной Европы. Иными словами, интерес к данной тематике был в высокой степени идеологизированным, который впоследствии отчасти

стиль». Ранее в разных изданиях, в том числе и зарубежных, были опубликованы его статьи: «Осетинский фразеологизм *sag færatmæ ærcyd* как ключ к этимологии скифского топора *σαῦρίς*», «*Odyssea Alanorum*» и «*Odyssea Alanorum (Parte 2)*», «*El Llar, en el corazon del hogar tradicional*» (в соавторстве с Т.К. Салбиевым).

обострился самим фактом эмиграции исследователей, представленных в диссертационном труде.

В современной историографии нет обобщающей работы, которая могла бы прояснить позицию представителей российского научного зарубежья на проблемы истории, этно- и культурогенеза, культурных контактов и исторической преемственности скифов, сарматов и аланов. Эта тема представляет интерес с разных точек зрения. Если собственно советская историография, как и зарубежная, освещала проблематику, опираясь на национальные научные школы и часто – на широкий круг доступных местных источников, то в случае с учеными-эмигрантами интересна трансформация их взглядов в зависимости от обстоятельств, по которым они были вынуждены эмигрировать из России, и той социальной и рабочей среды, в которой они оказались за рубежом. В процессе разработки данной проблематики был определен круг «знаковых» ученых (историков, археологов, лингвистов), которые на протяжении XX в. покинули пределы России. Это, прежде всего, М.И. Ростовцев, Г.В. Вернадский, М.М. Казанский, А.М. Лубоцкий и Б. Мысыккаты. В связи со значимостью проблем алано-осетинской преемственности и роли сармато-аланов в масштабах иранского мира важным дополнением стал также анализ научно-просветительской деятельности осетин-эмигрантов первой волны Дз. Дзанти и Дз. Зураева.

В 1920-е – 1950-е гг., т.е. когда создавались эмигрантские труды четырех из семи исследуемых авторов, изучение древних иранцев Юго-Восточной Европы еще находилось на уровне накопления базы археологических материалов и дополнительных письменных сведений. Привлечение данных по культуре других иранских народов, как древних, так и «этнографических», для понимания реалий скифо-сармато-аланских этнических групп пребывало тогда на начальной стадии, и параллели проводились обычно только с имперским Ираном. Тогда такая ситуация не давала широких возможностей для адекватного комментирования многих сведений древних по этим этносам. Кроме того, чрезмерное доверие к авторитету ряда античных авторов, их подчас буквальное прочтение во многом задавало тон в трактовке материала, добытого археологами. Добавим, что важные тексты стран Закавказья, Ирана и Китая в то время еще не были детально интерпретированы на новой фактической базе и конструктивно привлечены по изучаемой теме.

Блеск греко-скифского курганного золота и особое внимание греческих авторов к скифам привели к некоторому преувеличению ранними исследователями роли *скифов* в античной истории и их воздействия на синхронных соседей, на культуры последующих периодов. Скифия при этом представлялась монархистам (М.И. Ростовцев и др.) как вполне развитая монархия, «феодальная» империя, имевшая, к тому же, тесные связи с ахеменидским Ираном. Ведущие исследователи первой волны эмиграции (М.И. Ростовцев и Г.В. Вернадский), фактически, оформили концепцию о том, что «Великая Скуфь» (как она именуется у древнерусских авторов) стала основой культурного и политического развития славянства. К такой преемственности они

стремились органично добавить влияние греко-римской культуры и греко-скифский синтез на примере эллинистической боспорской монархии. Немаловажное место в трудах Г.В. Вернадского заняла рефлексия концепции евразийства, в разработке которой он сыграл большую роль.

В текстах Г.В. Вернадского также можно обратить внимание на чрезмерное внимание к истории *аланов* в Западной Европе в V в. н. э., роль которых он явно был склонен преувеличивать. Активное участие аланов в мировой политике IV-XIII вв., интерес, проявляемый к ним писателей разных стран, их связь со знаменитыми народами прошлого (римлянами, готами, гуннами, вандалами, персами, хазарами, византийскими греками, половцами, венграми, монголами и др.) в периоды их могущества во многом побудили Г.В. Вернадского постоянно подчеркивать их влияние в истории Юго-Восточной Европы и будущего восточного славянства. Его интерес к роли аланов возник не на пустом месте; он, фактически, продолжал давнюю традицию идеологов польского «сарматизма» и недавние на тот момент увлечения скандинавских общественных деятелей гото-аланскими контактами, на которые отчасти опиралась старая шведская идеология готицизма. Он стимулировался также давней (с последней трети XVIII в., со времен Г.Ф. Миллера) традицией изучения русскими и зарубежными учеными аланского (и шире – древнеиранского и раннего индоевропейского) наследия у кавказских осетин. Не оставил он без внимания и идеи шведа Э. Шерпентье о прародине аланов в Центральной Азии, ныне оцененные в полной мере. «Навязчивая идея» об особой роли аланов у Г.В. Вернадского компенсируется серией сделанных им интересных выводов.

В условиях ограниченной фактической базы в эмиграции, которую они старались компенсировать преимуществами американских и европейских библиотек и архивов, ученые первой волны (М.И. Ростовцев и Г.В. Вернадский) в своих работах продолжали во многом придерживаться той исторической концепции, которая была сформулирована ими ранее, несмотря на новые наработки (соответственно – концепций эллинизма и евразийства). При этом в их трудах представлена обоснованная аргументация индоевропейского происхождения скифов и родственных им народов, вполне убедительно показаны их ираноязычность и наличие этногенетической цепочки сарматы-аланы-осетины. В них также характеризуются последствия скифо-эллинических культурно-исторических контактов, и утверждается мысль о невозможности писать историю древних славян без изучения учета истории скифов, сарматов и аланов.

В трудах осетинских гуманитариев, оказавшихся после Гражданской войны в Европе, прослеживается явная романтизация и мифологизация некоторых аспектов истории аланов-осетин и преувеличение их культурной значимости. Отсутствие специального образования не помешало им, однако, вызвать дополнительный интерес европейских коллег и представителей эмиграции к истории аланов и осетин, пропагандировать ее научную и культурную значимость. Более того, Дз. Зураев в некоторых своих выводах смог представить

дополнительную информацию о некоторых аспектах истории аланов, которая представляет интерес и с точки зрения современной исторической науки.

Исследование общего вклада эмигрантов – историков и филологов в науку может быть адекватно оценено лишь на фоне изучения историографии скифо-сармато-аланской тематики в советский период. Эта задача в науке сегодня решена лишь фрагментарно и эскизно. Однако ряд значимых наблюдений к истории скифологии, а в большей степени – сарматологии и алановедения можно сделать уже сегодня. Именно этому посвящен анализ видения ряда основных аспектов темы шестью известными современными российскими специалистами в области археологии, языкознания и этнологии. В диссертационном труде впервые даны своеобразные очерки их научного творчества. Весьма важны в этом плане позиции ведущего современного сарматолога В.Ю. Малашева и лидера предыдущего поколения ученых-сарматологов А.С. Скрипкина, исследование «забытых» сторон сарматских и аланской культур С.А. Яценко, изучение специфики скифского и сарматских языков С.В. Кулландой и палеогенетики аланов в трудах Д.С. Коробова (с опорой на работы его учителя Г.Е. Афанасьева). Особое место занимает анализ современного восприятия аланского наследия среди народов Кавказа в трудах В.А. Шнирельмана, вызвавший неоднозначную реакцию многих коллег на Северном Кавказе.

Наиболее известным в мировой науке из изучаемых гуманитариев-эмигрантов был академик М.И. Ростовцев. Для историографии и для перспектив будущих исследований значим анализ как его выводов и предвидения, так и его ошибочных трактовок. Именно М.И. Ростовцевым была предложена модель развития обществ Юго-Восточной Европы в скифское время и рассмотрены локальные особенности региональных сообществ. Впервые в антиковедении им был разнопланово исследован вопрос о взаимоотношениях античного мира с племенами Степи, показана оригинальность вклада обоих контрагентов – греческих полисов / Боспора и скифов. Это взаимодействие привлекало ученого с разных точек зрения – экономической, политической, религиозной и общебытовой. Он подчеркнул особое значение такого этнокультурного взаимодействия как решающего фактора раннего исторического развития Юго-Восточной Европы. Во многом именно этот синтез дал то, что мы сегодня называем «классической» скифской культурой V – начала IV вв. до н. э. Показательны желание М.И. Ростовцева проверить новыми фактами «скифский логос» Геродота, внимание к более поздней истории осколка прежней Скифии – Малой Скифии в Крыму и к специфическому искусству кочевников – «звериному стилю». Отдавая должное распространенному мнению о влиянии великого Ирана на окраины тогдашнего иранского мира (как он это делал в отношении более поздних парфянского Ирана и сарматов), ученый при этом ясно осознал специфику скифского общества и его культуры.

М.И. Ростовцев считал, что скифо-греческое взаимодействие в Северном Причерноморье и само длительное существование «Великой Скифии» послужили одним из толчков к активному включению этого и соседних регионов в мировой

исторический процесс, который не прошел бесследно и для славянских народов. В этих процессах он видел вероятные корни ранней истории и ряда культурных особенностей будущей России. Такая установка продолжает привлекать внимание исследователей и сегодня.

Сегодня кажется ясным, что именно М.И. Ростовцев был создателем многих основ сложной и активно развивающейся ныне сарматологии. Его догадки о гибели Скифии и ранней истории савроматов и сарматов остаются отчасти актуальными. Особенно перспективным было подчеркивание академиком отсутствие единой линии развития сарматских культур и роли нескольких миграций из Центральной Азии. Вместе с тем, выведение им аланов из среды аорсов оказало немалое влияние на сарматологов. В плане видения сарматского мира как более «варварского» и политически дробного он оказался в плену у тогдашнего восприятия античных авторов, а его противопоставление Скифии и Сарматии находит отклик у ряда современных ученых и широкой общественности. Академику принадлежит идея об активной «иранизации» (сарматизации) греческих полисов Боспора и Ольвии, породившая полемику, которая продолжается и сегодня. Его наблюдения о бытовом влиянии сарматов, об их частичном оседании на Боспоре, об их роли в политике правящих там династий и отдельных государей находят все новые подтверждения. Он также смог увидеть центральноазиатские корни и в бирюзово-золотом стиле среднесарматского искусства. Как и в случае со Скифией, М.И. Ростовцев склонен был модернизировать развитие сарматов, и видел в их обществах серию государственных образований, растянувшихся от Западной Сибири⁹⁶. Особое внимание к Геродоту сочеталось в его творчестве с явной недооценкой описаний сарматов у греко-римских и закавказских авторов.

Г.В. Вернадский во многом развил идеи М.И. Ростовцева о роли «иранства» как своеобразного моста между античным миром и Ираном и как одной из основ ранней культуры славянства, а также концепцию своего отца, В.И. Вернадского, о соотношении общества и природы. В эмиграции он смог создать вполне основательную концепцию ранней истории России, став основным автором задуманной многотомной истории нашей страны и используя при этом наработки советских коллег. Важным его достижением можно считать рассмотрение русской истории на широком евразийском фоне и в роли своеобразного связующего звена, которая вполне соответствовала разрабатываемой им концепции евразийства. Г.В. Вернадский видел своеобразие Руси во многом во взаимодействии ее со Степью и, конечно, с византийской традицией. Его волновал процесс культурного синтеза и отчасти смешения иранцев Степи (киммерийцев, скифов, сарматов-роксоланов и аланов) с народами Лесостепи и юга лесной зоны. Во влиятельных кочевниках он видел лишь правящую верхушку, господствовавшую долгое время, в том числе, над славянами. Именно в южнорусских степях Г.В. Вернадский предполагал зарождение традиций славянской государственности, что

⁹⁶ О реальной государственности северокавказской Алании М.И. Ростовцев еще не мог знать.

обуславливает его увлеченность историей аланов и отчасти – их потомков (осетин). В аланах же он видел связь Степи с миром оседлых «варварских» народов. Яркими проявлениями этой связи ученый считал расселение и роль аланов в Западной Европе V в. н. э., заселение ими горных ущелий Кавказа, браки с русскими князьями. Г.В. Вернадского интересовали аланские топонимы и этнонимы в Юго-Восточной Европе, пути появления иранских мотивов в древнерусском искусстве, отражение древних традиций в алано-осетинском эпосе и алано-осетинская культурная преемственность. Эти направления сохраняют актуальность и в современной науке.

Особыми характеристиками отличается научное творчество по сармато-алано-осетинской тематике представителей научной эмиграции второй волны, оказавшихся в Западной Европе в начале 1980-х годов, среди которых выделяются археолог М.М. Казанский и лингвист А.М. Лубоцкий. Эти ученые используют материалы, не всегда доступные их российским коллегам⁹⁷. И хотя история не является их основной специализацией, тем не менее, при обобщении больших массивов разнородного материала М.М. Казанский и А.М. Лубоцкий не смогли не учитывать и не принимать во внимание выводы исторического характера. Интересы обоих исследователей сформировались в рамках советской научной традиции и в немалой мере – в ходе постоянных контактов с учеными-бывшими соотечественниками. Их внимание к аланской тематике отчасти было связано с интересом европейских гуманитариев к аланскому вкладу в раннесредневековую историю Европы. Так, несмотря на кратковременность пребывания сарматов и аланов во Франции, Англии, Италии и Испании, М.М. Казанский стремится, следуя за авторами начала Средневековья, выявить следы аланов в этих странах по серии ярких этномаркеров. Для этого, он, в том числе, пытается рассмотреть памятники аланов Восточной Европы перед самым вторжением гуннов и под их последующей властью. Для А.М. Лубоцкого алано-осетинская проблематика – часть сравнительного изучения лингвистических материалов индоевропейских этносов и комментариев к древнеиранским текстам. В последнем случае он подчеркивает вклад кочевых иранцев Степи и значение их наследия для корректных этимологий. Особое его внимание привлекли аланские тексты в византийских рукописях.

В связи со значимостью проблемы алано-осетинской преемственности и стабильным интересом на Кавказе, в России и за рубежом к традиционной культуре осетин и их предков (архаичному нарттовскому эпосу, античной и раннесредневековой истории аланов, традиционной религии осетин) немаловажна научная и просветительская деятельность русскоязычных осетин-эмигрантов двух поколений. Среди представителей первого поколения эмигрантов начала XX в.

⁹⁷ При этом, порой зарубежные коллеги в силу разных причин не всегда имеют доступ к неопубликованным материалам и зачастую редким региональным исследованиям. К примеру, издание «Известия ЮОНИИ», которое является печатным органом Юго-Осетинского НИИ, имеющим давнюю историю, содержит немало материалов исследований ведущих осетинских ученых разных поколений, востребованность которых среди коллег за пределами Южной Осетии является высокой. Материалы эти до сих пор не оцифрованы и не выложены в сеть.

особое значение играли главный редактор ряда журналов, связанных с историей Осетии и соорганизатор Института осетинovedения в Париже поэт и в прошлом капитан Дикой дивизии Дз. Дзанти, а также увлекавшийся историей ученый-самоучка Дз. Зураев. Отсутствие специальной исторической и лингвистической подготовки привело их во многих случаях к преувеличению роли аланов в истории как Юго-Восточной, так и Западной Европы, а также к серии «народных» этимологий. Однако они смогли привлечь к данной проблематике известных специалистов и сыграть немалую роль в ее популяризации за рубежом, опубликовать ряд новых материалов. Идеально вписался в контекст мировой науки сравнительно недавний молодой эмигрант, искусствовед и мифолог Б. Мысыккаты, трактующий сложные архаические мотивы алано-осетинского нартского эпоса в контексте индоевропеистики. Помимо прочего, его интересуют исторические корни сюжетов эпоса и собственно ранняя аланская история.

Рассмотренные в диссертации скифо-сармато-аланно-осетинские сюжеты в эмигрантской историографии и отчасти – в современных сарматологии и алановедении имеют, как уже отмечалось, не только сугубо академическое значение. В различных группах российских общественных деятелей и интеллектуалов разных народов страны уже давно идет борьба за скифское и аланское «арийское наследие», и она, к сожалению, приносит не только символические потери, но и в ряде случаев обостряет межнациональные отношения. Эта тематика широко используется для различных политических и этнических локальных псевдо-историй и мифов, для этнической мобилизации, особенно на Северном Кавказе, где в ряде автономий она входит даже в локальную «официальную» идеологию.

В диссертации представлена целостная картина становления и этапов развития научных направлений, связанных с проблематикой древних иранцев Юго-Восточной Европы в трудах представителей российского зарубежья начала XX – начала XXI в., с учетом тенденций в двух основных поколениях Их проблемы и достижения сопоставляются с работами по аналогичной тематике современных российских ученых.

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные концептуальные идеи и положения диссертационного исследования отражены в 25 публикациях и российских рецензируемых научных изданиях из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, а также включают в себя пять монографий. Общий объем авторских публикаций по теме диссертационного исследования составил более 122 п.л.

Монографии

1. Чибиров А.Л. Иранство как предчувствие. Вопросы иранистики в трудах М.И. Ростовцева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2016. 179 с. (10,5 п.л.).
2. Чибиров А.Л. Г.В. Вернадский. Славяно-Аланика (история одной «истории»). Владикавказ: Ир, 2018. 159 с. (16 п.л.).
3. Чибиров А.Л. Да, ночью верить в свет. Письма Ж. Дюмезиля и В.И. Абаева // Владикавказ: Ир, 2021. 160 с. (10+10,75 п.л.).
4. Чибиров А.Л. Древнее иранство Восточной Европы. Проблема этногенеза в очерках зарубежной историографии. Владикавказ: Ир, 2022, 420 с. (26,25 п.л.).
5. Чибиров А.Л. Академик М.И. Ростовцев: Открытие скифо-сарматского мира // Владикавказ: ВНЦ РАН, 2024. 225 с. (13,02 п.л.).

Главы (разделы) в коллективных монографиях, переводы.

6. Чибиров А.Л. Введение // *Alani sive Aas*. Аланы-осетины в исторической науке: Сборник документов / Отв. ред. Л.Б. Гацалова; сост., перев. А.Л. Чибиров и др. Владикавказ: Ир, 2019. 327 с. С. 3-38. (28,7 п.л.).
7. Чибиров А.Л. Эдвин Ямаучи: древняя история как приложение к теологии // Ямаучи Э.М. Недруги с северных границ / Пер., предисл. и коммент. А.Л. Чибирова. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 3-33 (2 п.л.).

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

8. Чибиров А.Л. Осетинские этюды Дзегка Зураева (Обзор книги Дз. А. Зураева «Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа») // Вестник СОГУ. 2016. № 1. С. 173-176. (0,6 п.л.)
9. Чибиров А.Л. Некоторые штрихи к европейской истории алан (по Б. Бахраху) // Вестник СОГУ. 2016. № 2. С. 173-178. (0,7 п.л.)
10. Чибиров А.Л. Аланский код Европы // Вестник ВНЦ. 2016. Т. 16. № 4. С. 2-8. (0,5 п.л.) (в соавт., доля авторского вклада 75%)
11. Чибиров А.Л. Сарматская сага Тадеуша Сулимирского // Известия СОИГСИ. 2017. Вып. 25(64). С. 48-62. (1,5 п.л.)
12. Чибиров А.Л. К 50-летию Всесоюзной научной сессии по этногенезу осетинского народа // Вестник ВНЦ. 2017. Т. 17. № 2. С. 28-32. (0,5 п.л.)
13. Чибиров А.Л. Значимое явление в осетинской филологии // Вестник ВНЦ. 2017. № 3. С. 62-63. (0,5 п.л.)
14. Чибиров А.Л. К вопросу об осетино-балкаро-карачаевских нартовских параллелях // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 27(66). С. 161-173. (1 п.л.)
15. Чибиров А.Л. Сармато-аланская компонента французской истории (Обзор книги Я. Лебединского «Сарматы и аланы в Галлии IV-V вв. История и наследство») // Вестник ВНЦ. 2018. № 1. С. 22-30 (0,5 п.л.)

16. Чибиров А.Л. Аланы на службе империи Юань. Восточные хроники // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 32(71). С. 5-17. (1 п.л.)
17. Чибиров А.Л. Аланы-осетины в дореволюционной российской и зарубежной историографии. // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 32(71). С. 164-179. (1,2 п.л.)
18. Чибиров А.Л. Особенности национальной идентичности осетин // Вестник ВНЦ. 2019. Т. 19. № 1. С. 21-23 (0,5 п.л.)
19. Чибиров А.Л. Аланы: дополнение к сказанному. (О книге Агусти Алеманя «Аланы в древних и средневековых письменных источниках») // Вестник ВНЦ. 2019. Т. 19. № 3. С. 20-26. (0,5 п.л.)
20. Чибиров А.Л. М.И. Ростовцев: «буржуазная» археология в отражении советской действительности // Вестник ВНЦ. 2020. Т. 20. №. 1. С. 11-13. (0,5 п.л.)
21. Чибиров А.Л. Некоторые вопросы ранней истории иранских племен южной России в историографии // Известия СОИГСИ. 2020. Вып. 35(74). С. 5-19. (1,1 п.л.)
22. Чибиров А.Л. Проблема этногенеза древних иранцев в трудах М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского. Сопоставительный анализ // Вопросы истории. 2021. № 12(5). С.262-272. (0,44 п.л.)
23. Чибиров А.Л. Дзамболат Дзанти: осетинские древности глазами эмигранта // Вестник ВНЦ. Т. 22. №. 2. 2022. С. 25-34. (1,16 п.л.)
24. Чибиров А.Л. Скифский язык: современное состояние вопроса в разрезе исторических и лингвистических дискуссий // Вестник ВНЦ. Т. 22. №4. 2022. С. 36-44. (1,05 п.л.)
25. Chibirov A.L. Harold Bailey: A Cherkesska For an English Knight // Indo-Iranica et Orientalia. Studi Iranici Ravennati IV, Alma mater studiorum Universita di Bologna MIMESIS, 2023. p. 251-274. (1,81 п.л.)
26. Чибиров А.Л. Знаки-тамги как один из вероятных социокультурных маркеров алаано-сарматских захоронений в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов// Научная мысль Кавказа. №4 (116). 2023. С. 78-84. (0,81 п.л.).
27. Чибиров А.Л. Аланы Северного Кавказа: трагедия народа в контексте истории становления Рах Mongolica (Обзор книги О.Б. Бубенка «Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). Киев, Истина, 2004. // Вестник ВНЦ. Т.25 № 1. 2025. (0,92 п.л.).
28. Чибиров А.Л. «Странствующие рыцари» эпохи (Ю.Н. Рерих, Г.В. Вернадский, Дзамбулат Дзанти: эпистолярный) / Труды конференции "Рериховское наследие" // Санкт-Петербургский музей-институт семьи Рерихов. Т. XXIV, 2025. (в печати).

Иные публикации

29. Чибиров А.Л. Эдвин Ямаучи: древняя история как приложение к теологии // Известия СОИГСИ. 2014. Вып 11(50). С. 39-58 (2 п.л.).
30. Чибиров А.Л. Мистический опыт древности и обряд осетинского Кувда // Вестник ВНЦ РАН. 2014. Т. 14. № 3. С. 13-19 (0,7 п.л.).

31. *Чибиров А.Л.* Древний мир в книге Э. Ямаучи «Недрузи с северных границ» // Современные проблемы гуманитарной науки: Материалы Итоговой научной сессии. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 102-103 (0,5 п.л.).
32. *Чибиров А.Л.* Новая книга по нартоведению: Отклик на книгу М.Ч. Джуртубаева «Происхождение нартского эпоса». Нальчик: ООО «Тетраграф», 2013. 802 с. // Вестник ВНЦ. 2014. Т. 14. № 4. С. 65-70 (0,7 п.л.) (в соавт., доля авторского вклада 75%).
33. *Чибиров А.Л.* Скифо-боспорские взаимоотношения в трудах проф. М.И. Ростовцева // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 654 (0,5 п.л.).
34. *Чибиров А.Л.* Вопросы взаимоотношений иранских и славянских племен в трудах профессора Г.В. Вернадского // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2015. № 14. С. 97-104 (1 п.л.).
35. *Чибиров А.Л.* Аланы (ясы, асы) и Киевская Русь в трудах Г.В. Вернадского // Нартоведение в XXI веке. Современные парадигмы и интерпретации. 2015. № 3. С. 250-261 (0,7 п.л.).
36. *Чибиров А.Л.* Иранская компонента Боспорского царства // Вестник ВНЦ РАН. 2015. Т. 15. № 4. С. 22-27 (0,8 п.л.).
37. *Чибиров А.Л.* Образ нарта Урузмага в осетинской нартиаде // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2015. № 57. С. 98-104 (1 п.л.) (в соавт., доля авторского вклада 75%).
38. *Чибиров А.Л.* Аланы-осетины. Возвращаясь к истории вопроса // Всероссийские Миллеровские чтения. 2016. № 5. С. 95-109 (1 п.л.).
39. *Чибиров А.Л.* Пареджан и Багатар // Алания от А до Я. Научно-популярное издание / Сост. Д.В. Сокаева. Владикавказ: Ир, 2017. С. 97-99 (0,1 п.л.).
40. *Чибиров А.Л.* Аспар // Алания от А до Я. Научно-популярное издание / Сост. Д.В. Сокаева. Владикавказ: Ир, 2017. С. 24-28 (0,1 п.л.).
41. *Чибиров А.Л.* Веха: К 50-летию Всесоюзной научной сессии по этногенезу осетинского народа // Nartamongæ. 2017. Вып. XII. №1-2. С. 305-316 (1 п.л.).
42. *Чибиров А.Л.* Письма // Nartamongæ. 2018. Вып. XIII. №1-2. С. 53-76 (2 п.л.).
43. *Чибиров А.Л.* Некоторые замечания по поводу монографии Т.А. Моллаева «Новый взгляд на историю осетинского народа» // V Абаевские чтения: Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 90-летию юбилею факультета осетинской филологии СОГУ (Владикавказ, 11 мая 2018 г.). Владикавказ: СОГУ, 2018. С. 306-321 (1 п.л.).
44. *Чибиров А.Л.* Некоторые подробности переписки Ж. Дюмезиля с В.И. Абаевым (к 120-летию со дня рождения Ж. Дюмезиля) // Всероссийские Миллеровские чтения. 2018. № 6. С. 86-97 (1 п.л.).
45. *Чибиров А.Л.* Аланская мозаика Агусти Алеманя // Nartamongæ. 2019. Вып. XIV. № 1-2. С. 379-402 (1,3 п.л.).
46. *Чибиров А.Л.* М.И. Ростовцев: «буржуазная» археология в отражении советской действительности // Вестник ВНЦ. Т. 20. № 1. 2020. С. 11-13 (0,1 п.л.).

47. Чибиров А.Л. Некоторые вопросы ранней истории иранских племен южной России в современной историографии // Известия СОИГСИ. 2020. Вып. 35(74). С. 5-19 (1 п.л.).
48. Чибиров А.Л. «Мой дорогой коллега и друг...» // Nartamongæ. 2020. Vol. XV. № 1-2. С. 73-87 (1,2 п.л.).
49. Chibirov A., Schiev H., Barkóczy P., Gyöngyösi S., Juhász L., Szabó G. The archaeometallurgic examination of the bronze plate belt found in tomb 350 of the Tli graveyard of the Koban culture (South Ossetia) // Nartamongæ. 2021. Vol. XVI. № 1-2. P. 42-59 (1,2 п.л.).
50. Чибиров А.Л. Недописанный абзац. Памяти Ю.С. Гаглойти // Nartamongæ. 2022. Vol. XVII. № 1-2. С. 7-9 (1,2 п.л.).
51. Чибиров А.Л. Гарольд Бейли: Черкесска для английского рыцаря // Nartamongæ. 2022. Vol. XVII. № 1-2. С. 202-230 (1,2 п.л.).